

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

30
1724

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Т. Г. Шевченко.

UCRAINICA

КОБЗАРЬ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Доходъ съ изданія поступаетъ на памятникъ
Т. Г. Шевченку.

Общество Любителей
Россійской Словесности.

30

1724

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1911.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	VII
На вѣчную память Котляревскому	1
Разрытая могила	4
Сова	6
Дѣвичьи ночи	13
Чигиринъ	14
Н. В. Гоголю	17
Еретикъ, или Иванъ Гусъ	18
Субботовъ	28
Кавказъ	29
Холодный яръ	34
Маленькой Марьянѣ	36
Три года	37
Завѣщаніе	39
Не завидуй богатому	40
Лилія	41
Вѣдьма	44
Не грѣетъ солнце	63
Сонъ	64
Иржавецъ	69
Козачковскому	72
Начну-ка вновь стихи	76
Ни кому не дай-то Боже	77
Ну, что, подумаешь, слова	77
Какъ за подушнымъ	79
П. С.	79
Средь темныхъ скалъ	80
Я выросъ на чужбинѣ дальней	85
Ужъ какъ я ли муженька	87
Пойду, пойду на улицу	88
Туманъ, туманъ долиною	88
Во лѣсочекъ я ходила	89
Если бъ бусы мать дала	90

Не хочу искать жены я	Стр. 90
Тучу бѣлую закрыла	92
Титаривна	94
Мать-покрытка	102
Считаю дни, считаю ночи	105
Самъ не знаю, но и вправду	108
Когда бы вы знали, господа	109
Бываетъ, въ неволѣ порой	111
Подражаніе Исаи	115
N. N.	116
Когда-то глупой головой	117
Подр. Э. Совѣ	118
Подр. Іезекилю	118
Осіи гл. XIV	120
Давно, давно, еще въ дни	122
У Днѣпровскаго залива	122
Лукерѣ	123
Л.	124
Когда бы съ кѣмъ	124
Иду однажды я въ ночи	125
Струится изъ-подъ явора	126
Сошлись-женились, подружились	127
Примѣчанія	129

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій сборникъ произведеній Т. Г. Шевченка издается по постановленію Общества Любителей Россійской Словесности, вызванному инициативой И. А. Бѣлоусова. Онъ составляетъ какъ бы 2-й томъ «Кобзаря», изданнаго въ 1906 г. фирмой «Знаніе» въ переводѣ подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Сюда вошли переводы большей части остальныхъ произведеній Шевченка, не находящихся въ упомянутомъ изданіи, при чемъ многіе переводы появляются впервые въ печати.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя произведенія не нашли себѣ мѣста и въ этомъ томѣ. Такъ сюда не вошли: «Сонъ», «Марія», «Великій Ляхъ», «Царі», «Саулъ», «Псалми Давидови», «Швачка», «Невольникъ» и нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ стихотвореній. (Всего опущено 16 пьесъ).

Не претендуя на исчерпывающую полноту, настоящій сборникъ тѣмъ не менѣе значительно расширяетъ знакомство русскаго общества съ творчествомъ великаго украинскаго поэта.

Всѣ вошедшіе въ настоящій сборникъ переводы собраны И. А. Бѣлоусовымъ.

Ближайшее участіе въ редакціи сборника принимали члены Общества И. А. Бѣлоусовъ, А. Е. Грузинскій, А. І. Калишевскій и Н. А. Янчукъ.

На вѣчную память
Котляревскому.

Солнце свѣтитъ, вѣтеръ вѣетъ
Съ поля на долину,
Надъ водою наклоняетъ
Красную калину.
И тихонько на калинѣ
Гнѣздышко качаетъ;
Гдѣ жъ дѣвался соловейко,
Кто про это знаетъ?
Вспомнишь горе, — ну, такъ что же, —
Было — миновало;
Вспомнишь счастье, — сердцу грустно,
Что гостило мало!

Я гляжу и воспоминаю;
Чуть смеркаться станетъ,
Соловейко защебечетъ,
Всѣхъ къ себѣ приманить:
И богатый, кому доля
Ласку шлетъ, какъ сыну,
И цѣлуетъ, и милуетъ, —
Не минетъ калину.
И сиротка, что до свѣта
Рано, рано встанетъ,
Словно рѣчи батьки съ маткой,
Слушать пѣсни станетъ...

Сердцу любо, сердце бьется,
 Словно праздникъ всюду;
 И живетъ такъ привольно
 Въ Божьемъ мѣрѣ люду...
 Иль дѣвица, что милого
 Ждетъ да поджидаетъ,
 Сохнетъ, вянетъ сиротою,
 Что дѣлать — не знаетъ;
 Выйдетъ въ поле — и слезами
 Горькими залется,
 А услышитъ соловейку,
 Снова усмѣхнется.
 Сохнутъ слезы, и улыбка
 На устахъ играетъ...
 Соловейко жъ безъ умолку
 Пѣсни распѣваетъ...
 Какъ Бога онъ хвалитъ свободно пѣсней;
 А выйдетъ злодѣй на дорогу съ ножомъ, —
 И пѣснь затихаетъ и отзвукъ, теряясь
 Въ лѣсу, замираетъ въ молчаньи нѣмомъ.
 Что пѣтъ, — если черствую душу злодѣя
 Не можетъ онъ пѣсней добру научить!
 Пускай онъ лютуетъ, пока не погибнетъ:
 Ему здѣсь не мѣсто, не долженъ онъ быть!

Въ долинѣ тихо. На калинѣ
 Ужъ соловейко не поетъ,
 Чуть вѣетъ вѣтеръ по долинѣ
 И эхо по лѣсу идетъ.
 Гуляетъ эхо — Божье слово;
 Проснулись люди для работъ.
 Съ сохой-кормилицею въ поле
 Ужъ пахарь выѣхалъ пахать;
 Пошли на пастбище коровы,
 Идутъ дѣвицы воду брать.
 Восходитъ солнце, — рай да только! —
 Склонились вербы надъ водой...
 И человѣкъ съ жестокимъ сердцемъ
 Заплачетъ сладкою слезой.
 Такъ было прежде, что же стало?

Солнце свѣтитъ, вѣтеръ вѣетъ
 Съ поля на долину,
 Надъ водою наклоняетъ
 Красную калину.
 И тихонько на калинѣ
 Гнѣздышко качаетъ.
 Гдѣ дѣвался соловейко, —
 Кто про это знаетъ?

Недавно, недавно у насъ на Украинѣ
 Старикъ Котляревскій вотъ такъ щебеталъ;
 Замокъ онъ на вѣки, сиротами кинулъ
 И горы, и море, гдѣ прежде виталъ.

Гдѣ ватагу голытьбы
 Велъ онъ за собою;
 Все покинулъ... Все тоскуетъ,
 Какъ руины Трои.
 Все тоскуетъ! Только слава
 Солнцемъ засіяла
 И безсмертіемъ поэта
 На вѣкъ увѣнчала...
 Будешь, батька, ты въ почетѣ,
 Люди не забудутъ, —
 И пока сіяетъ солнце,
 Вѣчно помнить будутъ...

Душа правдивая! прими
 Отъ сердца сказанное слово;
 Не кинь меня ты сиротой,
 Какъ кинулъ темныя дубровы.
 Мнѣ пѣсню спой про край родной, —
 Мнѣ легче станетъ на чужбинѣ,
 И я мечтой перенесусь
 Къ родимой, милой Украинѣ...
 Лети, орелъ мой, поскорѣ!
 Дни одиночества бѣгутъ;
 Хотѣлъ бы море переплыть я, —
 Лады мнѣ люди не даютъ.
 И вспоминаю я Энея,

Украину милую мою
И, какъ ребенокъ, горько плачу
И безутѣшно слезы лью.
А волны къ берегу другому,
Шума и пѣнся, бѣгутъ,
Тамъ доля плачетъ... Сиротину
Повсюду люди осмѣютъ.
Такъ что жъ? Пускай! Тамъ мѣсяцъ свѣтитъ,
Тамъ солнце ясное горитъ
И вѣтеръ тамъ въ степи широкой
Съ могилой рѣчи говоритъ...

Тамъ былъ бы я не одинокъ.
Прими же искренное слово,
Не кинь меня ты сиротой,
Какъ кинулъ темныя дубровы.
Явись ко мнѣ хоть на мгновенье
И пѣсню спой про край родной...

1838.
Петербургъ.

И. Бѣлоусовъ.

Разрытая могила.

Свѣтъ мой тихій, край мой милый,
Родина святая!
И за что ты только гибнешь,
Безъ вины страдая?
Иль ты рано не вставала,
Бога не хвалила
И тому же неразумныхъ
Дѣтокъ не учила?
«Я молилась и покоя
День и ночь не знала,
Малыхъ дѣтокъ я учила,
Ихъ оберегала.

И росли мои цвѣточки—
Дорогія дѣти;
Уголокъ я свой имѣла
На широкомъ свѣтѣ.
На него, Богданъ, взгляни ты,
Отъ стыда сгорая,
Какъ теперь живетъ Украина,
Мать твоя родная,
Что тебѣ надъ колыбелью
Пѣла про невзгоды,
Пѣла пѣсни и рыдала,
И ждала свободы...
Ой, Богданъ, родной сыночекъ.
Если бъ только знала,
Въ колыбели бъ задушила,
Подъ сердцемъ заспала.
Нѣмцамъ проданы—евреямъ—
Всѣ родныя степи,
Твои дѣти на чужбинѣ
Трудъ несутъ, какъ цѣпи.
Днѣпръ, мой братъ, меня бросаю,
Тихо высыхаетъ,
И москаль могилы близкихъ
Грубо разрываетъ.
Пусть же роетъ,—не свое вѣдь
Ищетъ онъ ревниво,
А твои малютки-дѣти
Пусть растутъ на-диво,—
Москалю они помогутъ
Властно жить въ палатахъ,
Снять послѣднюю рубашку
Съ матери,—въ заплахахъ.
Помогайте жъ, недолюдки,
Мучить мать родную».

Раскопали всю могилу,
Всю ее разрыли.
Что имъ нужно въ той могилѣ?
То, что схоронили
Батъки старые?

—О, если бѣ
Только отыскали
Что на вѣки въ ней сокрыто,—
Дѣти бѣ не рыдали,
Не страдала бѣ мать...

Е. Чернобаевъ.

1843, 9/х.
Березань.

Сова.

Породила мать сыночка
Въ муравѣ въ дубровѣ.
Кари очи подарила
И какъ уголь брови.
Завернувъ его въ китайку,
Всѣхъ святыхъ молила,
Чтобы дали ему счастье,
Чтобъ судьба хранила.
«Матерь Божья благодатью
Пусть тебѣ поможетъ;
Пусть все дастъ, что мать родная
Дать тебѣ не можетъ».
До разсвѣта брала воду
И, въ росѣ купая,
До полночи колыкала,
Пѣсни напѣвая.

«Мнѣ кукушка куковала,
Правду всю сказала:
Что я буду сто лѣтъ жить,
Буду барынею слыть,
Въ жупанѣ ходить,
Да сына растить.
Скоро вырастешь, сынокъ,
Будешь крѣпокъ и высокъ,

Какъ тотъ дубъ у хаты—
Статный, кудреватый.
И какъ княжее дитя,
Проживешь всю жизнь шутя,
Не узнаешь горя.
Приведу къ тебѣ—хотя
Изъ-за синя моря—
Молодую я подь-стать,
Чтобъ умѣла угождать
Милому сыночку.
Отыщу тебѣ купчиху—
Молодую богачиху,
Сотника ли дочку.
Чтобъ красивѣй всѣхъ была,
Чтобы павою плыла
Въ черевичкахъ красныхъ,
Въ лентахъ вся атласныхъ.
Чтобъ по горницѣ ходила,
Сладки рѣчи говорила.
Я жъ въ почетѣ бы сидѣла
Да на вась, дѣтей, глядѣла!

Ой, сыночекъ мой родимый,
И милѣй и краше
Нѣтъ тебя на цѣломъ свѣтѣ
И въ Украинѣ нашей.
Краше нѣтъ, да и не будетъ.
Подивитесь, люди!
Краше нѣтъ,—свою же долю
Онъ и самъ добудетъ.

Ой, кукушечка-кукушка,
Что ты куковала,
И зачѣмъ сто лѣтъ мнѣ долгихъ
Ты накуковала!
Если бѣ можно въ этомъ свѣтѣ
Разыскать мнѣ долю,
Хоть въ нѣметчину пошла бы
По чужому полю,
Но сыскала бы для дѣтокъ

Счастіе и волю.
Нѣтъ такой... а горемычной
Наберется всюду.
И дорогой и проселкомъ,
Гдѣ есть мѣсто люду.

Любовалась мать сыночкомъ,
Какъ цвѣткомъ на полѣ
Любовалась... А тѣмъ часомъ
Подошла недоля.
Померъ мужъ... она осталась
Молодой вдовою...
Не одна... а все же тяжко—
Съ горемъ да съ нуждою.
Обратилась за совѣтомъ,—
А не за подачкой,—
И сосѣдушки рѣшили:
«Быть тебѣ батрачкой».
Обнищала, исхудала,
Съ хатой распрощалась,
И пошла служить,—съ недолей
Сразу же спозналась.
День и ночь она трудилась,
Подати платила,
И на свитку для сыночка
Грошики копила,
Чтобъ дитя вдовы несчастной
Въ школу бы ходило.

Ой, ты доля, вдовья доля,
Безталанная недоля,
Гдѣ ты пропадаешь?
Ты по лѣсу иль по полю
Съ бурлакомъ гуляешь?
Побѣжить вода и въ гору
Богатю въ хату,
А бѣднякъ и въ яръ съ собою
Долженъ брать лопату.
У богатыхъ словно верба

Дѣти вырастаютъ,
У вдовы же—какъ былинку
Одного качаетъ.

Дождалась вдова и доли—
Вырастила сына.
Грамотѣй, красивый, статный,
Паренекъ-картина.
Какъ у Господа за печкой,
Ей теперь живется.
Изъ-за парня бьется.

Богачиха молодая
Не одно въ селѣ сердечко
Сына полюбила;
Шелкомъ вышила платочекъ,
Да не подарила.
Шли напасти изъ-за моря,
Хату отыскали
И подкрались... Парней въ цѣпи
Крѣпко заковали,
По проторенной дорожкѣ
Повезли въ неволю.
И пошла вдова съ другими
Плакаться на долю.
На ночь гдѣ пристали—
Стражу приставляли,
И вдову къ обозу
Все не допускали.

Привезли, чтобъ брить затылокъ,
Стали мѣрять взятыхъ:
Этотъ малъ, а этотъ чахлый,—
Все сыны богатыхъ.
Тотъ калѣка, тотъ не можетъ
Вовсе встать съ полатей.
Тотъ горбатый, тотъ богатый,
Тѣхъ четыре въ хатѣ.
Всѣ не въ ладъ, всѣхъ назадъ,
Все пришлось имъ кстати.
У вдовы жъ сынокъ одинъ,
Да подходитъ подъ аршинъ.

Снова съ хатой распростилась
На печаль-невзгоду
И къ жидамъ пошла за черствый
Хлѣбъ таскать имъ воду.
Людь крещеный братъ не хочетъ:
«Стары руки стали—
Не подь силу»... и огрызки
Ей въ окно совали
Христа ради... Не дожить бы,
Вѣкъ бы не томиться.
Не дай Боже у богатыхъ
И воды напиться!
Трудовая всѣ копейки
Долго собирала,
И письмо солдату-сыну
Наконецъ послала.
Легче стало... ждетъ отвѣта.
Годъ, другой проходятъ;
И четвертый, и десятый,—
Вѣсти не приходятъ.
Нѣтъ вѣстей! Такъ что же дѣлать?
Торбу взять на плечи
И дразнить собакъ да слушать
Жалостныя рѣчи.
Поплелась, село оставивъ,
И на выгонъ сѣла.
День и ночь, не возвращаясь,
Тамъ она сидѣла
У дороги... Дни проходятъ
И за лѣтомъ лѣто...
Не узнать,—такъ исхудала,
Въ рубище одѣта.
Да и какъ ее признаешь
Въ нищенкѣ убогой,
Что все смотритъ вдаль куда-то,
Сидя надъ дорогой.
Все сидитъ она и смотритъ
День и ночь, до свѣту,
А сына ея родного
Нѣту все да нѣту.

Въ вечеръ лѣтній надъ водою
Гнется очерѣтъ.
На вечерю до разсвѣта
Мать сыночка ждетъ.
Въ лѣтній вечеръ камышами
Шелеститъ рѣка.
Ждетъ дѣвчина въ темной рощѣ
Друга-казака.

Надъ рѣкою вѣтеръ вѣетъ,
Шепчется осока.
Мать о сынѣ въ бѣдной хаткѣ
Плачетъ одиноко.
Чернобровая, поплакавъ,
Пѣсни пѣтъ ужъ стала.
Мать старуха лила слезы
Да и зарыдала.
И молилась и рыдала,
Кляла все на свѣтѣ,
Ой, для матери вы тяжки,
Горемычны дѣти!

Искалѣченныя руки
Къ небу поднимала
И, сыночка вспоминая,
Долю проклинала.
То, поплакавъ безутѣшно,
Стихнетъ понемногу
И сквозь слезы дни и ночи
Смотритъ на дорогу.
Вся замретъ... Но только снова
Вспомнится утрата,
Спроситъ: «Кто не повстрѣчалъ ли
Москаля-солдата,
Моего сына?» Но кто же
Встрѣтитъ, кто узнаетъ?
И опять сидитъ. Не плачетъ
И не вопрошаетъ.
Помѣшалась! Держитъ камень
И его ласкаетъ.

Пожурить, баюкать станеть,
 Сыномъ называетъ
 И тихохонько сквозь слезы
 Пѣсню напѣваетъ:
 «Змѣи хату запалили,
 Дѣтямъ кашу заварили;
 Мигомъ лапти расплели...
 Налетѣли москали...
 Гуси сѣрые летѣли,
 Оставаться не хотѣли
 И кричали все «гель-гель».
 На погостѣ соколъ сѣлъ.
 На могилѣ среди ночи
 Казаку онъ вырвалъ очи.
 А дѣвчина не дождется,
 Скоро ль милый къ ней вернется».

Днемъ блуждаетъ по задворкамъ
 Черепки собираетъ,
 Копить сыну все гостинецъ
 И съ собой таскаетъ.
 Въ ветхомъ рубищѣ, какъ призракъ,
 Страшная, сѣдая,
 Ночью дико голосила,
 По селу блуждая.
 И бранились люди,—какъ же!
 Спать имъ не давала,
 И крапиву подъ ихъ тыномъ
 Да бурьянъ топтала.
 Ребятишки днемъ гонялись
 Всюду за вдовою
 И, смѣясь, ее дразнили
 Старою *совою*.

А. К.

6 мая 1844.
 Петербургъ.

Дѣвичьи ночи.

Расплелась коса,—упала
 Ниже пояса она;
 Грудь раскрылась, поднялась,
 Словно на морѣ волна.
 Засіяли кари очи
 Звѣздами средь ночи;
 Протянулись бѣлы руки,—
 Словно обвилися
 Вокругъ стана;—нѣтъ, въ подушку
 Замерли—впилися...
 «Для чего мнѣ кари очи
 И коса густая,
 Станъ мой стройный, ростъ высокій,—
 Если сирота я?
 По любви сойтись мнѣ не съ кѣмъ,
 Сердцемъ подѣлиться!
 Сердце бѣдное, больное,
 Тяжко тебѣ биться
 Одинокому. Съ кѣмъ буду
 Жить я, свѣтъ лукавый?
 Отвѣчай,—что буду дѣлать
 Я съ своею славой?
 Я любить и жить желаю
 Сердцемъ—не красою,
 А живу другимъ на зависть:
 Гордою и злою
 Злые люди называютъ,
 А того не знаютъ,
 Что я въ сердцѣ схоронила...
 Пускай упрекаютъ!
 Грѣхъ имъ будетъ! Боже милый,
 Плачу и тоскую,
 И молю, чтобъ Ты разсѣялъ
 Солнцемъ тьму ночную,
 Днемъ вѣдь я не одинока,—
 По полю гуляю
 И веду бесѣду съ полемъ,—

Горе забываю,
А въ ночи»... И онѣмѣла,
Слезы полилися,
Бѣлы руки протянулись,
Въ подушку впилися!..

Ив. Бѣлоусовъ.

18 мая, 1844.
Петербургъ.

Чигиринъ.

(М. С. Щепкину).

Все на свѣтѣ, Чигиринъ мой,
Гибнетъ, пропадаетъ!
И твоя святая слава
Прахомъ исчезаетъ,
За холодными вѣтрами
Улетая въ тучи.
Надъ землей проходятъ годы,
Сохнетъ Днѣпръ могучій,
Разсыпаются могилы,—
Славныя могилы!
Про тебя жъ, старикъ забытый,
Малосильный, хилый,
Не обмолвятся и словомъ;
Даже не укажутъ,
Гдѣ стоялъ ты,—и хоть на смѣхъ,
Такъ и то не скажутъ:
За что боролись мы съ панами?
За что мы рѣзались съ ордами—
И мѣткимъ острыхъ пикъ ударомъ
Ломали ребра мы татарамъ?
И тѣлами засѣвали,
Алой кровью поливали,

Острой саблей бороздили,
Что же нивы уродили?
Уродилась рута въ полѣ
Для отравы нашей воли.

Но я, юродивый, на грустныхъ руинахъ
Напрасно рыдаю: во снѣ Украина...
Бурьяномъ и плѣсенью вся зацвѣла
И сердце въ болотѣ насквозь прогнило,—
Въ холодномъ дуплѣ она змѣй приютила,
А дѣтямъ—надежду въ степи отдала.

А надежду безъ печали
И безъ слезъ
Вѣтеръ по полю разнесъ,
Волны въ морѣ расплескали.
Пускай же вѣтеръ все разноситъ
На вольно рѣющемъ крылѣ,
Пускай же сердце слезно проситъ
Пресвѣтлой правды на землѣ!

Чигиринъ мой, Чигиринъ мой,
Другъ ты мой единый!
Ты проспалъ лѣса и степи
Вмѣстѣ съ Украиной!
Спи же, нехристомъ повитый,
Пока солнце встанетъ,
И подростокъ возмужалый
Сердцемъ не воспрянетъ!
Помолясь, и я уснуть бы...

Но раздумье злое
Распалить стремится душу,
Рветъ мнѣ ретивое.

Ой, не рвите, не палите!
Можетъ, думы, снова
Безталанную верну я
Правду—мое слово!
Изъ него скую, быть можетъ,
Старому я плугу
Новый лемехъ настоящій
Въ добрую услугу.
И заброшенную пустошь,
Можетъ быть, съ трудами

Распашу я—и засѣю
Чистыми слезами.
Можетъ вырастутъ и сабли,—
Разсѣкутъ гнилое
Надоѣдливое сердце,—
Выщѣдятъ застои
Крови грязной и поганой,
И нальютъ живою
Запорожской алой кровью,
Чистою, святою.
И, быть можетъ, какъ барвинокъ
Съ рутою пахучей,
Зацвѣтетъ вся Украина
Славою могучей.
И о словѣ, одиноко
Выстраданномъ мною,
Вспомнѣтъ люди благодарно
Набожной душою.
Сердце жъ робкое дѣвичье
Встрепенется рыбкой,—
Про меня она вспомнѣтъ
Съ ясною улыбкой,
Про мои слова и слезы
И про думы тайны...
О, мечты мои святыя,—
Рай ты мой, Украина!
Спи покуда, Чигиринъ мой!—
Сгибнуть вражьи дѣти!
Спи пока... Возстанетъ правда
И на этомъ свѣтѣ!

Θ. Гавриловъ.

19/II, 1844.
Петербургъ.

Н. В. Гоголю.

Словно рой, за думой дума вылетаетъ;
Одна душу давить, другая сжигаетъ;
Третья—въ сердцѣ скрылась,—слезы проливаетъ,
Тихо такъ, что Богъ самъ не слышитъ, не знаетъ.

Гдѣ жъ на свѣтѣ человѣка
Мнѣ найти такого,
Кто съ привѣтомъ, лаской встрѣтитъ
Великое слово?
Всѣ оглохли, всѣ въ оковахъ,
Будто такъ и надо.
Ты смѣешься, другъ великій,—
Слезы мнѣ отрада.
Не верну назадъ слезами
Я добра былого:—
На Украинѣ не придется
Слышать пушекъ рѣва.
Не убьетъ и не зарѣжетъ
Снова батко сына,
Чтобъ жила въ чести и славѣ
Вольно Украина.
Не зарѣжетъ, а выроститъ
Изъ него солдата,—
Это будетъ вдовья лепта
И рабская плата.
Предъ отечествомъ, престоломъ
Будетъ онъ склоняться,—
И пускай, братъ,—а мы будемъ
Плакать и смѣяться...

Ив. Бѣлоусовъ.

37/XII, 1844.
Петербургъ.

„Еретикъ“ или „Иванъ Гусъ“.

(Посланіе славному П. І. Шафарику).

Злые люди у сосѣда
Хату подожгли,
У огня они нагрѣлись,
Да и спать легли,—
Но забыли теплый пепель
По полю развѣять.
Лежитъ пепель на распути,
А въ пеплѣ томъ тлѣетъ
Огня искра великого
И не угасаетъ,
Ждетъ подпалу, словно мститель
Часу ожидаетъ,
Злого часу. Тлѣла искра,
Тихо дотлѣвала
На распути, при дорогѣ,
Да и гаснуть стала.

Вотъ такъ - то нѣмцы запалили
И хату нашу,—и семью—
Семью славянъ разъединили,
Украдкой, тихо подпустили
Усобицъ лютую змѣю.

Полилися рѣки крови,
Пожаръ погасили,—
Ну, а нѣмцы межъ собою
Все и подѣлили;—
И въ оковахъ вырастаютъ
Славянскія дѣти,
И въ неволѣ позабыли,
Кто они на свѣтѣ.
А на давнемъ пожарищѣ
Искра братства тлѣла,
Дотлѣвала,—и дождалась,—
Онъ пришелъ и смѣло

Раздулъ пламя, какъ учуялъ,
Онъ орлинымъ окомъ
Искру братства, что таилась
Въ пеплѣ томъ глубокомъ,
Засвѣтилъ животворящій
Свѣточъ правды, воли,
Всеславянскую семью онъ
Вывелъ изъ неволи,
Сосчиталъ всѣхъ до едина,
Древнимъ сталъ пророкомъ
И окинулъ трупы павшихъ
Онъ орлинымъ окомъ.
И ожили снова трупы
И очи раскрыли,
И братъ съ братомъ обнялися
И заговорили,
И любовь и правду слава
На вѣки и вѣки,
И слилися въ одно море
Славянскія рѣки.

Слава тебѣ, чехъ великій,
Въ будущемъ и нынѣ,
Затопить не допустишь ты
Нѣмецкой пучинѣ
Нашей правды!.. Наше море
Вѣчно будетъ полно
И по морю понесутся
Съ парусами челны.
У кормила встанетъ кормчій,
Смѣлою рукою
Поведетъ по волѣ челны
Надъ морской волною.
Честъ тебѣ, Шафарикъ, слава
Во вѣки и вѣки,
Что въ одно собралъ ты море
Славянскія рѣки.
Такъ прими же къ своей славѣ
И мое ты слово,
Мою думу немудрую

Про чеха святого,
 Про того, что былъ замученъ—
 Про славнаго Гуса,
 Прими, отче, я же тихо
 Богу помолюся,
 Чтобы всѣ славяне стали
 Братьями-друзьями
 И сынами солнца правды,
 И еретиками—
 Вотъ такими жъ, какъ Констанцскій
 Еретикъ великій...
 Въ міръ будетъ миръ и правда
 И слава во вѣки...

22/xi, 1845.
 Переяславъ.

I.

Камень, его же небрегоша зижду-
 щій, сей бысть во главу угла: отъ
 Господа бысть сіе и есть дивно въ
 очесѣхъ нашихъ.

Псаломъ CXVII, ст. 22.

Кругомъ неправда и неволя,
 Народъ замученный молчитъ;
 А на апостольскомъ престолѣ
 Монахъ упитанный сидитъ.
 Людскою кровью онъ торгуетъ,
 Рай по частямъ онъ продаетъ...
 Твоя, о, Боже, воля всеу;
 Когда же судъ твой къ намъ придетъ?

Разбойники, людоеды
 Правду всю заорали,
 И Твою святую волю,
 Славу осмѣяли...

Въ кандалахъ страдаютъ люди,
 Нѣтъ имъ силъ подняться,—
 Расковать свои оковы,
 Вмѣстѣ всѣмъ собраться;
 За обиженныхъ, за правду
 Грудью встать могучей...
 Боже, выйдетъ ли къ намъ солнце
 Изъ-за темной тучи?
 И настанетъ ли великій
 Часъ небесной кары?
 И падетъ ли власть надъ міромъ
 Гордой той тиары?
 Мы бъ ее разбили...

Боже!

Не для мести, муки
 Ты пошли благословенье
 На слабыя руки,
 На уста, а чтобъ промолвить
 Праведное слово;—
 Можетъ быть, Тебя услышать
 Бога Всеблагого?..

Такъ думалъ въ кельѣ Гусъ правдивый,—
 Людей задумалъ расковать—
 Людей замученныхъ—и диво,
 Святое диво показать
 Очамъ незрячимъ...

«Поборюсь!

За правду Богъ! Да совершится!»
 И въ Вишелемскую каплицу
 Пошелъ молиться вѣрный Гусъ!..

II.

Папская булла.

«Во имя Господа Христа,
 Распятаго за наши прегрѣшенья,
 И всѣхъ апостоловъ святыхъ
 Даемъ мы буллою отпущенье,
 И разрѣшаемъ всѣ грѣхи

Рабынѣ Божьей, что ходила
По улицамъ, въ шинкахъ пила
И въ кельяхъ пьяная грѣшила.

Она сама добыла

И буллу купила

И очистилась... О, Боже,

Великая сила!

Великая слава! Взгляни на людей;
Какъ много тяжелыхъ ты мукъ посылаешь;
За что жъ пропадаютъ? За что же караешь
Своихъ непокорныхъ, но добрыхъ дѣтей?
За что же закрыть Ты ихъ добрыя очи
И разумъ окутать ночной темнотой?
Проснитесь, чехи! И очи откройте!
Проснитесь! День новый встаетъ надъ землею!..

Разсправьте руки, будьте люди,
А не насмѣшкой чернецамъ.
Разбойники, надѣвъ тиары,
Все потопили, все забрали,
Какъ взяли у Москвы татары,
А намъ незрячимъ передали
Свой догматъ,—казни да пожары,
Все зло на свѣтѣ,—войны, свары
И адскихъ мукъ безкрайный рядъ,
Да кучи дѣвичьихъ ребятъ!
Вотъ въ чемъ ихъ догматъ; вотъ ихъ слава!
Святымъ положено конклавомъ,—
Кто, буллу не купивъ, умретъ,
Тотъ прямо въ пекло, въ адъ пойдетъ;
Но чья за буллу вдвое плата,—
Тотъ, хоть зарѣжь родного брата,
Не папу лишь, не чернецовъ,—
И прямо въ рай безъ лишнихъ словъ...
Ужъ воръ сталъ вора грабить въ церкви,
Забывши братство и любовь.
Когда жъ насытитесь вы, гады,
И перестанете пить кровь?
Не мнѣ, о, Господи, простому
Судить великія дѣла.

И Самъ Ты, знаю я, невиннымъ
Не посылалъ, не дѣлалъ зла...
И плакалъ Гусъ, творя молитву,
И тяжело плакалъ. Подъ молчалъ
Глядѣлъ со страхомъ: что онъ дѣлалъ?
На что онъ руку поднималъ?
—«Смотрите, люди!—Вотъ вамъ булла,
Что я читалъ!»—И показалъ
Передъ народомъ. Всѣ вздрогнули:
Иванъ Гусъ буллу разорвалъ...
Изъ Вилеемской той каплицы
До римскихъ стѣнъ, вплоть до столицы
Гремѣло эхо и неслось,
И наклонилась тиара,
Когда въ конклавѣ отдалось...
Зашептались монахи,
Вмѣстѣ собрались;
Зашептались антипапы,—
Стѣны затряслися
Отъ шепоту. Кардиналы
Словно змѣи вьются
Вкругъ тиары, да тихонько,
Какъ коты, грызутся
Изъ-за мыши. Такъ вотъ такъ-то!
Видно сберегали
Только шкуру! А почувявъ,
Какъ заклекотали
Гуси въ Прагѣ,—порѣшили
Страху не даваться
И судить въ Констанцѣ Гуса
Вмѣстѣ всѣмъ собраться,
Да кругомъ поставить стражу,
Чтобы не дремала,
Улетѣть къ славянамъ птицу
Эту не пускала.

III.

Словно вороны, монахи
Поле все покрыли,

И толпами черезъ степи
Въ Констанцъ повалили:
Бароны, герцоги, вся знать,
Псары, герольды, шинкари
И трубадуры-кобзари,
Змѣею потянулась рать,
За герцогинями холопы,—
Кто съ соколами на рукахъ.
Бѣжитъ, торопится—кто пѣшимъ,
А кто верхами на ослахъ,
Такъ гадовъ тянетъ къ солнцепеку...
О, чехъ великій! Сосчитать
Не сможешь вражескую силу!
Какъ на невѣрныхъ, встала рать
Иль на великаго Аттилу...

А въ Прагѣ глухо гомонять:
И Цезаря и Вячеслава
И весь соборъ тысячеголовый
Ругаютъ явно,—не хотятъ
Пускать въ Констанцъ Ивана Гуса.
«Живъ Богъ! Жива душа моя!
«Я смерти, братья, не боюсь
«И покажу я тѣмъ змѣямъ
«И вырву ихъ несыто жало!...»
Такъ чеховъ славная семья
Ивана Гуса провожала.

День встаетъ; Констанцъ весь тонетъ
Въ колокольномъ звонѣ.
Собралися кардиналы,
Какъ быки въ загонѣ,
И прелаты набѣжали,
Какъ потоки лавы,
И три папы, и баронство,
И вѣнчанны главы.
Такъ когда-то іудеи
Христа присуждали
Къ смерти крестной. Гомонили,
Спорили, кричали,

Будто въ таборѣ татарскомъ
Иль въ еврейской школѣ.
Вдругъ все разомъ замолчало...
Словно кедръ средь поля
Гусъ, гремя цѣпями, смѣло
Всталъ передъ соборомъ.
И окинулъ нечестивыхъ
Онъ орлинымъ взоромъ;
Затряслися, поблѣднѣли,
Молча озирали
Мученика.

«Для чего же
«Вы на судъ позвали?
«Для того, чтобы послушать
«Какъ звенять оковы?»
Словно гады зашипѣли,
Звѣри заревѣли:
—«Замолчи! Ни слова!..
«Еретикъ ты! Еретикъ ты!
«Ты расколъ заводишь,
«Усобицу разсѣваешь!
«И святѣйшей папской воли
«Ты не принимаешь,—
«Знать не хочешь! Одно слово—
«Богомъ ты проклятый!
«Еретикъ ты! Еретикъ ты!»
Ревѣли прелаты.
«Ты усобникъ! Одно слово—
«Ты всѣми проклятый!!!..
Гусъ на папъ взглянулъ и молча
Вышелъ изъ палаты.
«Побороли! Побороли!»
Словно очумѣли—
«Казнь огнемъ ему злодѣю!..
Разомъ заревѣли.

Напролетъ всю ночь монахи
Съ герцогами пили,
Спьяна Гуса проклинали...
Вотъ и зазвонили.

Разсвѣло ужъ—и монахи
Въ храмъ пошли молиться
За Ивана Гуса. Солнце
Стало золотиться,
Изъ-за горъ смотрѣть, что скоро
Будетъ здѣсь твориться.

Звонъ гудитъ, гудитъ и льется...
Связаннаго Гуса
Подвели къ костру въ оковахъ;
И не ужаснулся
Предъ огнемъ,—взошелъ съ молитвой
На костеръ горящій.
«Что жъ Твоимъ я людямъ сдѣлалъ,
«Богъ животворящій?
«За что меня осудили?
«За что распинаютъ?
«Люди добрые! Молитесь!
«Съ вами тоже будетъ!
«Вонъ ужъ волки въ овчихъ шкурахъ
«Когти распустили...
«Не спасетесь. Разольется
«Кровь, дымясь, какъ море,
«Кровь дѣтей, потомковъ вашихъ...
«О, горе! О, горе!
—«Вонъ они тамъ въ ясныхъ ризахъ»...
Очи заблестѣли...
«Поджигайте!»
—«Это крови...»
«Жги скорѣе!»
—«Вашей захотѣли!»

Не dokonчилъ онъ и дымомъ
Праведнаго скрыло.
—«Молитесь! Молитесь!
«Господи помилуй!..
«Прости Ты имъ, вѣдь не знаютъ...»
Больше не слышали
Словъ святого. Какъ собаки,
Чернецы стояли

У костра: чтобы не выползъ
Онъ змѣей изъ жара,
Не заползъ бы на корону
Или на тиару...
Догорѣлъ костеръ—и вѣтеръ
Пепелъ, тихо вѣя,
Ужъ разноситъ. Кто-то видѣлъ
На тиарѣ змѣя...
Вотъ монахи собралися
И «Te Deum» спѣли,
А потомъ пошли обѣдать
И спокойно ѣли,
Отъ ѣды опухли даже...
Малою семьею
Пришли чехи, взяли землю
И съ тою землею—
Вмѣстѣ съ пепломъ—пошли въ Прагу...

Такъ вотъ осудили
Чернецы Ивана Гуса,
Правды жъ не спалили,
И не знали, что вылетитъ
Онъ орломъ изъ тучи,
А не гусемъ—и тиару
Расклетъ могучій...

Нѣтъ имъ дѣла;—разлетѣлись,
Словно тѣ вороны,
Пиръ окончивши кровавый.

Чернецы, бароны
Стали жить въ своихъ хоромахъ,
Ничего не зная,
На пирахъ порой «Te Deum»
Громко распѣвая...
Все покончено.

Но стойте,—
Вонъ надъ головою
Старый Жижка съ Таборова
Махнулъ булавою!..

И. Бѣлоусовъ.

10/х, 1845.
С. Марьинское.

Субботовъ.

Стоитъ въ селѣ Субботѣ
На горѣ высокой
Гробъ родимой Украины,
Широкий, глубокий;
Это—церковь Богданова;
Тамъ онъ въ ней молился,
Чтобъ москаль добромъ и лихомъ
Съ казакомъ дѣлился.
Миръ-покой душѣ Богдана!..
Не такъ вышло дѣло:
Москаль—что усмотрѣли,
Все забрали смѣло.
Разрываютъ ужъ могилы,
Въ погребѣхъ копаютъ,
Ищутъ денегъ—не находятъ—
И за то ругаютъ.
Такъ-то вотъ, Богданъ нашъ, батъка,
Отдалъ ты въ неволю
Украину. И за это
Выпала на долю
По дѣламъ твоимъ и слава;
Да за что и славить?—
Что пріятелей царицы
Налетѣла сила,
Задавила ту Украину,
Что ляховъ сломила..
Все пріятелямъ ты отдалъ—
И нужды имъ нѣту;
Говорятъ: «и прежде было
Все, вѣдь, наше это,
Лишь татарамъ и полякамъ
Мы внаймы сдавали»..
Можетъ, правда. Пусть ужъ будетъ
Такъ, какъ вы сказали.
И смѣются надъ Украиной..
Но пора настанетъ,—

Та могила-церковь рухнетъ—
И Украина встанетъ.
И развѣтъ тьму неволи,
Правды свѣтъ засвѣтитъ,
И помолятся на волѣ
Невольничьи дѣти...

И. Бьлоусовъ.

21/х, 1845.
Миргородъ.

Кавказъ.

(Якову де-Бальмену).

За горами горы—тучами повиты;
Засѣяны горемъ, кровію политы.
Споконъ вѣка Прометея
Тамъ орелъ караетъ;
Каждый день долбитъ онъ ребра, ✓
Сердце разрываетъ.
Разрываетъ, да не можетъ
Выпить кровь живую,
Вновь смѣется сердце, чуя
Силу молодую... ✓
Не умереть и наша правда,
Не умереть и воля,—
И завистливый не вспашетъ
На днѣ моря поля.
Не скуетъ души живой онъ
И живого слова;
Не унизитъ славы Бога
Господа Святого.
Не намъ съ Тобою спорить, Боже,
Не намъ дѣла Твои судить;
Намъ только плакать, плакать, плакать
И хлѣбъ насущный свой мѣситъ
Съ кровавымъ потомъ и слезами.

✓ Смѣются палачи надъ нами,
А правда наша пьяной спить.

Ахъ, когда жъ она проснется?
И когда Ты отдохнуть
Ляжешь, Боже, утомленный,—
Вольно дашь и намъ вздохнуть?
Мы вѣруемъ Твоей силѣ
И Духу живому:
Встанетъ правда, встанетъ воля—
И Тебѣ, Святому,
Поклонятся всѣ языки
Во вѣки и вѣки;
А пока что—текутъ рѣки,
Кровавыя рѣки.

За горами горы—тучами повиты;
Засѣяны горемъ, кровію политы.
По «Нашей Милости» вотъ такъ
И воля ваша запропала.
Хоть за нее легло костями
Людей муштрованныхъ немало.
А слезъ? А крови?—Напоить
Всѣхъ угнетателей бы стало,
Дѣтей и внуковъ!.. Утопить
Во вдовихъ слезахъ! А дѣвичьимъ
Слезамъ, пролитымъ по ночамъ,
И мѣры нѣтъ!.. А слезъ кровавыхъ
Отцовъ и матокъ вашихъ старыхъ,—
Горячихъ, жгучихъ этихъ слезъ,—
Не рѣки—море разлилось,
Огнемъ пылающее море!..

✓ Слава, слава, слава вамъ—
Борнымъ, и гончимъ, и псарямъ,
.....
Слава!

Слава вамъ—горамъ высокимъ,
Вѣчнымъ льдомъ покрытымъ!

И вамъ—рыцарямъ великимъ,
Богомъ не забытымъ!
Боритесь,—поборете,
Вамъ Богъ помогаетъ,
За васъ сила, за васъ воля
И правда святая!..

И хлѣбъ и сакля—все твое,
Тебѣ все это Богъ даетъ;
Никто его и не отниметъ
И въ кандалы не закуетъ.
У насъ,—на то мы и учены,
Читаемъ Божіи глаголы,
И отъ тюрьмы и до престола
Мы всѣ и въ золотѣ и голы.
И васъ мы можемъ научить,
Почемъ и гдѣ хлѣбъ-соль купить.
Мы христіане: храмы, школы
И все добро, самъ Богъ у насъ.
Намъ только сакля очи колетъ,—
Зачѣмъ она стоитъ у васъ?
Зачѣмъ вашъ хлѣбъ мы не кидаемъ,
Какъ псамъ голоднымъ вамъ? Зачѣмъ,
Что солнце свѣтитъ вамъ и грѣетъ,
Съ васъ податей мы не беремъ?
Не многого, вѣдь, мы желаемъ,
А лишняго и не возьмемъ;—
Христа мы свято почитаемъ
И сыты малымъ мы бываемъ.
Вотъ если бъ съ нами подружились,
Вы многому бы научились.
Одна Сибирь у насъ безъ края;
А сколько тюремъ кругомъ стоитъ!
Отъ молдаванина до финна
На всѣхъ языкахъ все молчить.—
Знать, благоденствуетъ!.. У насъ
Святую библию читаетъ
Святой чернецъ и поучаетъ,—
Какой-то царь, свиней, вишь, пасъ
И полюбилъ жену онъ друга;

Его убилъ,—она жъ потомъ
Была царю жена-подруга.
Теперь сидитъ на небѣ онъ!
Смотрите же, какой законъ
У насъ царитъ! Еще вы темны,
Святымъ крестомъ не просвѣщенны,
Въ науку къ намъ! У насъ дери,—

Дери да дай.—

И прямо въ рай,—

И хоть родню всю заberi!

У насъ,—чего мы не умѣемъ!—
Считаемъ звѣзды, гречку сѣемъ,
Бранимъ французовъ. Продаемъ,
А то и въ карты проиграемъ,
Людей—не негровъ, а такихъ,
Людей крещеныхъ, но простыхъ.
Мы не испанцы,—Богъ помилуй,
Чтобъ у воровъ добро скупать,
Какъ тѣ жида. Мы по закону...

Какъ апостолъ заповѣдалъ,
Любите вы брата?
Суесловы, лицемѣры,
Господомъ прокляты!
Вамъ любя на братѣ шкура,
Не душа живая!
По закону эту шкуру
Съ брата вы сдирая,
Отдаете милой дочкѣ,
Чтобы шубу сшила
И женѣ, чтобы ботинки
Новыя купила.
На приданое побочнымъ
Дѣткамъ пригодится;
А себѣ на то, что втайнѣ
Отъ семьи хранится.

За кого жъ Ты принялъ муки,
Христе, Сыне Божій?
За насъ добрыхъ? Иль за правду—
Истины? Иль можетъ,

Надъ Тобой же погдумились?

Такъ оно и сбылось?

Часовни, храмы и иконы,
Ряды свѣчей и мирры дымъ,
И передъ образомъ Твоимъ
Въ поту лица кладемъ поклоны
За кражу, за войну, за кровь.
Чтобъ брата кровь пролить, мы просимъ,
Потомъ Тебѣ же въ даръ приносимъ
Съ пожара краденый покровъ.

Просвѣтись, другихъ желаемъ

Свѣтомъ Божьимъ этимъ

Просвѣтитъ. Открыть незрячимъ

Солнце правды дѣтямъ.

Все покажемъ, только дайте

Намъ себя васъ въ руки взять;

Мы научимъ тюрьмы строить,

Цѣпи крѣпкія ковать,

Какъ носить ихъ, какъ плести

Узловатыя кнуты...

Все покажемъ, только дайте

Ваши горы намъ забрать,

Что остались,—вѣдь успѣли

И поля и море взять!..

И тебя загнали, другъ ты мой единый,
Яковъ, другъ мой милый. Не за Украину,
За того, кто волю у нея укралъ,
Праведную кровь ты, другъ мой, проливалъ.
Изъ московской чаши выпилъ ты отраву,
И стяжалъ на вѣки вѣчную ты славу.
Живи же въ отчизнѣ безсмертной душой!
Летай съ казаками по-надъ берегами,
Будь сторожемъ славы Украины родной!
И плачь съ казаками святыми слезами,
И жди—изъ неволи вернусь я домой!

А пока что—мои думы,—

Мою злую долю—

Буду сѣять—пусть ласкаетъ

Вѣтерокъ ихъ въ полѣ.

Вѣтеръ тихій изъ Украины

Донесетъ съ росю
 До тебя, мой другъ, тѣ думы,
 Съ братскою слезою,
 И съ привѣтомъ, и любовью
 Ты читать ихъ станешь,—
 И могилы, степи, горы
 И меня вспомняешь!..

И. Бѣлоусовъ.

18/х1, 1845.
 Переяславль.

Холодный яръ.

У всякаго свое горе.
 У меня есть горе,
 Не свое хотя, чужое,
 А все-таки горе.
 Для чего припоминать то,
 Что давно минуло;
 И будить, что сномъ глубокимъ
 Крѣпко такъ уснуло?
 Вотъ хоть Яръ.—Къ нему тропинки
 Заросли травюю,
 И сдается, что никто тамъ
 Не ступалъ ногою.
 А какъ вспомнишь—былъ когда-то
 Торный путь, широкій
 Отъ обители Мотрина
 Прямо въ Яръ глубокий;
 Тамъ сходились гайдамаки,
 Таборомъ стояли;
 Приготовливали копья,
 Ружья исправляли.
 Собирались въ Яръ глубокий,
 Чтобы встать безъ страха
 На злодѣя лукавого
 На лютаго ляха..

Гдѣ же путь?—Заросъ ли лѣсомъ?
 Или засадили
 Палачи, чтобъ больше жъ Яру
 Люди не ходили
 На совѣтъ,—какъ быть, что дѣлать
 Съ новыми врагами,—
 Людоѣдами лихими,
 Добрыми панами?
 Что преграды!—Вотъ надъ Яромъ
 Желѣзнякъ витаетъ
 И на Умань смотритъ зорко,—
 Гонту поджидаетъ!..
 Не топчите и не прячьте
 Божьяго закона;
 И святымъ не почитайте
 Лютаго Нерона.
 Не гордитесь священной
 Царскою войною:
 Не знаете, за кого вы
 Льете кровь рѣкою,
 А кричите, что «души, вишь,
 Тѣла не жалѣю
 За отечество».—Ей Богу,
 Вы овцы глупѣ!
 Глупый шею подставляетъ,
 А за что—не знаетъ;
 А туда жъ еще героя—
 Гонту унижаетъ:
 «Гайдамаки—не воины,
 Разбойники, воры,
 Пятно въ нашей исторіи»..
 Лжете, людоморы!
 За святую правду, волю
 Разбойникъ не встанетъ!
 Отъ цѣпей освободить онъ
 Темный людъ не станетъ!
 Приговоръ не дастъ онъ смертный
 Лукавому сыну;
 Не положить сердце, душу
 Онъ за Украину!

Вы, разбойники, не сыты!
 Вороны вы злые!
 Гдѣ такіе отыскали
 Законы святые,
 Чтобъ землею и людьми
 Торговать открыто?
 Берегитесь! Дѣло злое
 Будетъ не забыто.
 Обмануть дѣтей не трудно
 И себя обманешь,
 Но предъ Вѣчнымъ Судією
 Какъ же лгать ты станешь?
 Скоро день настанетъ новый,—
 Будетъ жизнь иною,
 И огонь изъ Яра вспыхнетъ,
 Потечетъ рѣкою...

17/xii, 1845.

И. Бьлоусовъ.

Маленькой Марьянѣ.

Рости, рости, моя пташка,
 Цвѣтъ ты мой махровый,
 Пока въ жизни ты не знаешь
 Злой бѣды, суровой!
 Разузнаютъ злые люди,
 Гдѣ ты расцвѣтаешь,—
 Поиграютъ, посмѣются,—
 Горе ты узнаешь.
 Не разжалобятъ ихъ годы,
 Годы молодые,
 Не омытыя слезами
 Очи огневые.
 Не посмотрятъ, что ты сердцемъ
 Чистая, святая,—
 Все украдутъ. Будешь жить ты,

Бога проклиная...
 Увядай же, цвѣтъ мой юный,
 Цвѣтъ ты мой махровый,
 Пока сердце не разбито
 Долею суровой.

И. Бьлоусовъ.

20/xii, 1845.
 Вьюница.

Три года.

Дни идутъ, проходятъ ночи,
 И года стрѣлою
 Пролетаютъ, забираютъ
 Все добро съ собою.
 О холодный камень душу,
 Сердце разбиваютъ;
 Похоронную молитву
 Тихо напѣваютъ.
 И всему конецъ, что было
 Отнынѣ до вѣка.—
 И остался на распутьи
 Я—слѣпой калѣка...
 Хоть недолгіе, казалось,
 Тѣ три года были,
 Только много въ моей хатѣ
 Горя натворили.
 Изсушили мое сердце—
 Бѣдное, больное;
 Взяли доброе, оставивъ
 Только злое, злое.
 Мои слезы ѣдимъ дымомъ,
 Чадомъ окурили,
 Что лилися съ Катериной,
 Какъ мы съ ней бродили;
 Что молились съ казаками
 Въ турецкой неволѣ,

Что Оксанѣ—зорькѣ алой,
Моей свѣтлой долѣ,
Бѣло личико дѣвичье
Въ горѣ умывали;—
Все съ собою безъ остатка
Годы тѣ забрали.
Жаль отца и мать мнѣ старыхъ,
Женку молодую
Да веселую—безъ время
Въ землю класть сырую;
Много горя, да не столько,
Какъ тому дурному,
Что полюбитъ, поженится,
А она другому
За три гроша продается,
Да надъ нимъ смѣется.
Вотъ гдѣ горе, гдѣ отъ муки
Сердце разорвется!..
Вотъ такое же случилось
Горе и со мною:
Полюбилъ людей всѣмъ сердцемъ,
Пылкою душою.
Люди сердце приласкали,
Нѣжно полюбили,
А лѣта тихонько крались
И слезы сушили.
Оглянулся,—ужъ не люди—
Змѣи въ кольцахъ вьются,
И засохли мои слезы,
Больше ужъ не льются.
Утоляю жажду сердца
Я отравой злою,
И не плачу, не пою ужъ,
А вою совою...
Такъ вотъ такъ-то!.. Что хотите,
То и говорите,—
Или громко унижайте,
Иль тайкомъ хвалите
Мои думы—все равно мнѣ!—
Снова не вернутся

Мои годы молодые,
Думы не проснутся,
Не вернутся! И я сердцемъ
Къ вамъ ужъ не вернуся,
И не знаю, гдѣ я дѣнусь,
Гдѣ я преклонюся?
Какъ на исповѣди, думы
Я кому открою?
И кому больную душу
Ими успокою?
Думы мои! годы мои,—
Годы молодые!
Гдѣ же вы пріютъ найдете,
Дѣти мои злыя?
Никуда не выходите
Изъ дома далеко;
Я же годъ четвертый, новый,
Встрѣчу одиноко.
Ну такъ здравствуй же, годъ новый,
Въ одежѣ старой.
Что жъ несешь ты Украинѣ
Въ торбѣ обветшалою?
«Благоденствіе—указомъ
Новенькимъ повито»...
—Передай поклонъ мой людямъ,
Долей злой забитымъ!

И. Бѣлоусовъ.

22/хп, 1845.
Вьюница.

Завѣщаніе. ✓

Какъ умру—похороните
На Украинѣ милой;
Пусть курганъ въ степи широкой
Будетъ мнѣ могилой.
Положите такъ, чтобъ видѣлъ

Я луга и кручи;
 Чтобы слышалъ, какъ волнами
 Днѣпръ реветъ могучій...
 Какъ полетѣтъ по Украинѣ
 Вражья кровь рѣкою,—
 Вотъ тогда-то поднимусь я,
 Оживу душою.
 Буду Господа молить я
 Дать родному краю
 Вольной воли,—до того же
 Бога я не знаю!
 Схоронивши, поднимайтесь,
 Цѣпи разорвите;
 Злою, вражескою кровью
 Волю окропите.
 И меня въ семьѣ великой,
 Въ братствѣ вольномъ, новомъ
 Помянуть не позабудьте
 Добрымъ, тихимъ словомъ.

25. XII. 1845.
 Переяславъ.

И. Бѣлоусовъ.

— о —

* * *

Не завидуй богатому:
 Богатый не знаетъ
 Ни любви, ни радостей...
 Онъ ихъ покупаетъ.
 Не завидуй и сильному:
 Сила принуждаетъ.
 Не завидуй и славному...
 Тотъ, кто славенъ, знаетъ,
 Что не онъ любимъ отчизной...
 Любятъ лишь ту славу,
 Что слезами куплена,
 Людямъ на забаву.

Соберутся ль юноши,—
 Жизнь горитъ въ ихъ взорѣ.
 А посмотришь пристально—
 И здѣсь также горе.
 Будь же чуждымъ зависти
 Средь заботъ о хлѣбѣ.
 Въ мирѣ нѣтъ, вѣдь, счастья,—
 Развѣ лишь на небѣ.

4. X. 1845.
 Миргородъ.

К. Тулубъ.

— о —

Лилія.

Какъ росла, за что меня
 Люди не любили?
 За что, какъ я выросла,
 Молодой убили?
 За что же теперь меня
 Лаской окружаютъ,
 Зовутъ меня царственной,
 Очей не спускаютъ,—
 Глядятъ да любятъ?...
 Скажи мнѣ, мой свѣтикъ,
 Мой братецъ родименькій,
 Королевичъ-цвѣтикъ». —
 «Не знаю, сестра моя»...
 И цвѣтикъ стыдливо
 Головкой смущенною
 Поникъ сиротливо.
 Склонился онъ къ лиліи,
 Къ лицу ея нѣжно...
 И духъ Божій съ ласкою
 Виталь безмятежно
 Надъ ними...

И лилія
 Слезою - росой

Заплакала,—молвила:
—«Мой братецъ. Съ тобою
Давно ужъ мы любимся...
А я... я скрывала:
Была я вѣдь дѣвушкой,—
Жила и страдала.
И мать моя—помню я—
Всю жизнь лишь скорбѣла
И на меня, на дочь свою,
Сквозь слезы глядѣла.
О чемъ она плакала,—
Понять не могла я.
Мнѣ ль скорби разгадывать?
Была вѣдь дитя я.
Играла, рѣзвилась я...
А мать увядала
И, плача, помѣщика
Кляла-проклинала.
Скончалась. И въ комнаты
Меня взяли вскорѣ,
Росла я у барина,
Не зная о горѣ,—
О томъ, что я дочь его...
За годомъ годъ минулъ.
Уѣхалъ вдругъ баринъ нашъ,
Меня же покинулъ.
И хлынули люди въ домъ,—
Все жгли, все губили.
И я была схвачена...
Меня не убили,—
Нѣтъ!..—Косы мнѣ длинныя
Остригли съ укоромъ,—
Одѣвали въ рубище,
Покрыли позоромъ!
Я помню—среди хохота
Меня оскорбляли.
Жиды, издѣваясь,
Въ лицо мнѣ плевали.
Мой братикъ! Терпѣла я
Судьбу мою злую,

Пока не взяла она
И жизнь молодую.
Зимою скончалась я
Отъ мукъ, отъ кручины,
Весною же воскреснула
Цвѣткомъ средь долины,—
Воскресла я лиліей,—
И рощи смѣялись.
И тѣ, кѣмъ я сгублена,—
Мною любовались.
Быть веселъ день солнечный,
Луга зеленѣли.
Въ цвѣтахъ идя, юноши
И дѣвушки пѣли.
И стали звать дѣвицы
Меня снѣгоцвѣтомъ.
Цвѣла съ того времени
Въ лѣсу я, одѣтомъ
Листою, и въ праздничныхъ
Палатахъ, въ теплищѣ,—
И всѣ улыбались мнѣ,
Какъ будто царицѣ.
Скажи жъ мнѣ, родименькій,
За что волей Бога
Такъ много мнѣ горестей,
Страданій такъ много?
Для тѣхъ, кѣмъ я сгублена,
Служить мнѣ забавой...
О, Боже мой милостивый!
О, Боже мой правый!»
И плакала лилія...
А цвѣтокъ стыдливо
Головкою печальною
Поникъ сиротливо
Къ склоненному личику
Лилии прекрасной...

25. VI. 1846.
Кіевъ.

П. Тулубъ.

Вѣдьма.

Да прійдетъ же смерть на ня и
да снудутъ во адъ живи, яко лукав-
ство въ жилищахъ ихъ, посредѣ ихъ.

Молюсь я, снова уповаю,
И снова слезы проливаю,
И думу тяжкую мою
Нѣмымъ стѣнамъ передаю!
Отзовитесь же, заплачьте,
Стѣны, вы со мною
Надъ неправдою людскою
И надъ долей злою!
Отзовитесь! А за вами,
Можетъ, отзовется
Доля-горькая судьбина
И намъ улыбнется.
Примирить съ несчастьемъ горькимъ
И съ людьми—и скажетъ
Намъ спасибо: помолится,
Да и спать заляжетъ.
И примиренному приснится
Иная жизнь: во всемъ любовь,
И все добро. Онъ встанетъ рано
Веселый, и забудетъ вновь
Про горе злое. И въ неволѣ
Познаетъ рай, познаетъ волю
И всетворящую любовь!

I.

Растетъ въ полѣ на могилѣ
Дерево проклято:
Похоронена тамъ вѣдьма;—
Креститесь, дѣвчата,
Креститесь и не льститесь
На пановъ лукавыхъ:
Пропадете вы на вѣки

Отъ недоброй славы,
Славы злой на этомъ свѣтѣ,
А на томъ... О, Боже,
Васъ храни! За грѣхъ тяжелый
Самъ Богъ не поможетъ.
Пусть паны, смѣясь, глумятся,
Братьями торгуютъ,
Вызывая слезъ потоки,
Съ сатаной пируютъ.
Что имъ?—души запродали,—
Нечего бояться.
Вамъ же здѣсь на свѣтѣ надо
Жить—остерегаться.
Берегитесь! И любитесь
Хоть и съ бѣдняками,—
Съ кѣмъ хотите, мои любви,
Только не съ панами...
Не задолго до зимняго Николы,
Ободраны, почти что голы,
Дорогой Бендерской въ ночи
Цыгане шли, а идучи
Тихонько пѣсни напѣвали;
Такъ шли, да шли—и станомъ встали,
И у дороги свой шатеръ
Поставили—и развели костеръ.
Кругомъ усѣлись: на огнѣ
Кто жарить мясо; въ тишинѣ
Сидитъ безъ ужина кто такъ:—
На то и вольный онъ казакъ!
(Лжетъ слово! Времена не тѣ.)
Сидятъ и дремлютъ. Въ темнотѣ,
Вдругъ слышать, пѣсня долетаетъ;
Ее какъ будто распѣваетъ
Молодка, возвращаясь въ домъ
Съ веселой свадьбы подъ хмелькомъ:

«Ахъ, какъ въ хатѣ новой
Шумъ угомонился,—
Молодухѣ ночью
Сонъ такой приснился:

Мать ея рехнулась,
Свекоръ поженился,
Батка утопился.
И... гу!...»

Цыгане слушаютъ, смѣются:
Откуда люди тутъ возьмутся?
Поютъ, зная, гдѣ-то за Днѣстромъ,—
Тутъ степь глухая лишь кругомъ.
«Смотрите! Призракъ!»—Всѣ столпились,
И передъ ними вдругъ явилось
То, что тамъ пѣло.—Скорбь и страхъ!
Въ лохмотьяхъ нищенскихъ стояла,
Дрожа, фигура. На ногахъ
И на рукахъ повыступала
Отъ стужи кровь—и струпомъ стала.
И косы долги въ репьяхъ
О полы бились въ колтунахъ.
Она сначала постояла,
Потомъ, къ огню присѣвши, стала
Грѣть руки въ полымѣ...

«Ну, такъ.
Женился нищій. Эхъ, бѣднякъ!»
Сама съ собой она шепталась
И страшно-страшно улыбалась.
Что жъ это было?—То сестра,
То, люди, мать моя родная!
То вѣдьма...

Цыганъ.

— А ты откуда, молодица?

Вѣдьма.

— Кто? Я?

(Поетъ:)

«Какъ была я молодицей,—
Цѣловались съ бѣлолицей;
А какъ старой бабой стала,—
Ужъ охотниковъ-то мало!»

Цыганъ.

Пѣвуча, нечего сказать!
Вотъ, намъ такую бы достать
Да съ медвѣдемъ...

Вѣдьма.

Я все пою,—
Сижу ли я, или гуляю,
Я все пою, все напѣваю:
И говорить ужъ позабыла,
А прежде славно говорила.

Цыганъ.

Гдѣ жъ ты блуждала? Гдѣ была?

Вѣдьма.

Кто? Я? Иль ты? (Шепчетъ.) Тс-с! Кто кричитъ?
Вонъ видишь,—панъ со мной лежитъ.
Огонь погасъ и мѣсяцъ всходитъ:
А въ чашѣ оборотень бродить...
А я на свадьбѣ кутила,
Да тамъ себя и загубила.
А все проклятые паны,—
Они насъ губятъ безъ вины,—
Умѣютъ ловко одурить...
Мнѣ сына надо поженить;—
Пойду: а то вѣдь не сумѣютъ
И въ гробъ сыночка положить.

Цыганъ.

Куда ты? Оставайся съ нами,—
Живемъ мы вольно подъ шатрами.

Вѣдьма.

А дѣти есть у васъ?

Цыганъ.

Нѣтъ, нѣту.

Вѣдьма.

О комъ заботитесь вы?
Кого же спать съ собой кладете?
Кого колышете въ ночи?
Съ молитвой за кого встаете?
Охъ, дѣти, дѣти.—Все-то дѣти!
Куда же мнѣ отъ нихъ уйти?
Гдѣ ни хожу,—они за мною,
Они съѣдятъ меня живою
Когда-нибудь...

Цыганъ.

Ты не грусти,—
Дѣтей у насъ нѣтъ и заводу.

Вѣдьма.

Ну, хоть сейчасъ съ горы да въ воду...

И вѣдьма тяжело зарыдала.
Цыганъ ватага замолчала
И долго слушала ее,
Пока ихъ сонъ не обуялъ,—
Уснули, гдѣ кто ни упалъ.
Одна она грустя сидѣла,
И не спала, лишь ноги грѣла
Въ горячемъ пеплѣ. Вотъ взошла
Луна изъ-за высокой кручи
И на шатеръ, пока за тучи
Не скрылась, бѣлый свѣтъ лила.

Что не спится богатѣю
Сытому, сѣдому?
Что не спится сиротинѣ—
Бѣдняку простому?
Первый думаетъ,—въ палатахъ
Какъ ему прибраться,
А второй—какъ поскорѣе
Къ паперти добратся;
Сытый въ гробѣ пышномъ ляжетъ
Важнымъ господиномъ,
А бѣднякъ протянетъ ноги

Гдѣ-нибудь подъ тыномъ.
И заснутъ они на-вѣки;
Бѣдняка забудутъ,
Богатѣя же, пожалуй,
И ругать все будутъ.

Не спится сѣдому ни въ полѣ, ни въ хатѣ,
А надо свой вѣкъ какъ-нибудь коротать.

II.

У огня старикъ-цыганъ
Съ трубкою усѣлся;
На помѣшанную онъ
Зорко засмотрѣлся.

Цыганъ.

Ты что же спать не захотѣла?
Звѣзда восходитъ—посмотри.

Вѣдьма.

Ты самъ смотри, а я смотрѣла.

Цыганъ.

Мы рано встанемъ—до зари,
А ты проспшишь.

Вѣдьма.

Я не просплю,
Не суждено ужъ мнѣ проспаться,
А вотъ когда-нибудь остаться
Въ глухомъ бурьянѣ навсегда.

(Тихо поетъ:)

«Лѣсъ - лѣсочекъ темный — рай.
Тихій, тихій мой Дунай.
Я по лѣсу прогуляюсь,
А въ Дунаѣ искупаюсь;
Отдыхать въ траву пойду
И рожу я снова дочку,
Хоть калѣку на бѣду...

И пусть, и пусть—лишь бы ходила,
Да мать умѣла бѣ проклинать.
Вонъ видишь, видишь, гдѣ могила,—
Глаза кошачьи... Вонъ опять!
Тамъ очи кошки. Вонъ опять!
Кись! Кись! Проклятая ни съ мѣста!
Кись! Кись! Иди скорѣй за мной,
Я напою тебя водой.

(Поетъ:)

«На столѣ стоитъ кутя,
А за печкой—дѣти;
Народила, наплодила,
А куда ихъ дѣти?
Лучше ль ихъ повѣсить?
Лучше ль утопить?
Иль продать евреямъ,
Деньги же пропить?»
Что, хорошо у насъ поютъ?
Садись-ка рядомъ, ближе, тутъ,
Вотъ такъ! вотъ такъ! А ты не знаешь,—
Вѣдь я въ Валахїи была!
Въ Бендерахъ двойни родила;
А въ бѣлыхъ Яссахъ колыхала;
Ихъ въ Дунаѣ я купала,
Въ Туретчинѣ повивала,
А потомъ ихъ отнесла
Въ Кїевъ: тамъ ихъ безъ кропила
За три гроша окрестила,
А три гроша пропила;
Напилась я, напилась.

Я никогда не отрезвлюся;
Ужъ я и Бога не боюся,
И не соромлюся людей...
Вотъ если бѣ мнѣ найти дѣтей,—
Вотъ было бѣ славно!.. Ты не знаешь?
Что, есть въ Туретчинѣ война?

Цыганъ.

Была, да кончилась недавно:
Ихъ умеръ главный старшина.

Вѣдьма.

А я думала, воюють,—
Такъ кончилось дѣло?
Ты послушай-ка, кого я
Отыскать хотѣла:
Я ищу Наталку-дочку,
Да сынка Ивана;
Дочь Наталочку,—ты слышишь?
Да найти бы пана—
Того Ирода, который...
Стой-ка,—я припомню...
Какъ была я молодою—
Глупою такою,—
По садочку все ходила,
Въ цвѣтики рядилась.
Разъ меня въ саду и встрѣтилъ
Иродъ. Кабы знала,
Что была я крѣпостною,
Лучше бѣ утопилась,—
Было бѣ легче. Какъ увидѣлъ,
Такъ и взялъ въ покои
И остригъ, какъ будто парня,
Да въ походъ съ собою
Взялъ меня. Пришли въ Бендеры,
Съ войскомъ мы стояли
На квартирахъ. Мы въ то время
Съ туркой воевали.
Мнѣ на Спаса Богъ далъ двойни,
Онъ же—панъ проклятый!—
Взялъ да кинулъ одинокой,—
Убѣжалъ изъ хаты;
На дѣтей и не взглянулъ онъ,
Люциферъ проклятый!
И пошелъ онъ за войсками;
А я съ близнецами
Повернула на Украину—
Безъ дорогъ, степями,
Острижена.—Ну, да что тамъ!..
Въ селахъ узнавала
Путь на Кїевъ. Злыхъ насмѣшекъ

Много я слыхала.
Даже въ рѣчкѣ утопиться
Разъ было хотѣла,
Да на горе малолѣтокъ
Дѣтокъ пожалѣла.
Кое-какъ я добралася
До родного края,
Отошла съ дороги, съла,
Ночи поджидая, —
Чтобъ съ людьми не повстрѣчаться,
Видишь, я старалась.
Вотъ украдкою вдоль тына
Къ хатѣ я добралась.
Въ хатѣ тьма: кругомъ все тихо:
Видно спитъ глубоко,
Иль изъ хаты вышелъ батька—
Старый, одинокій.
Подхожу я тихо, тихо,
Сердце замираетъ:
Въ хатѣ кто-то стонетъ тяжко,
Словно умираетъ.
То—отецъ!.. Крестомъ кто сложить
Руки неживыя?
Кто помолится? Охъ, дѣти,
Дѣти проклятыя!
Въ хатѣ вѣетъ пустотою;
Въ страхѣ я застыла
И, опомнившись, въ каморку
Дѣтокъ положила.
Отворяю дверь я въ хату,—
Батька еле дышитъ.
«Тятя! Тятя! Я съ тобою»,
Говорю,—не слышитъ.
Я въ отчаяніи батьку
За руки хватаю:
«Это я съ тобой!.. А онъ мнѣ
Шепчетъ: «Я прощаю!»
«Я прощаю!»—только это
Я и слыхала.
Какъ подкошенная на полъ

Вся въ слезахъ упала
И заснула. Лучше бъ было
Вовсе не проснуться.
Словно въ ямѣ, въ полночь въ хатѣ
Мнѣ пришлось очнуться.
Руку мнѣ отецъ сжимаетъ...
Въ страхѣ, обмирая,
«Тятя!» я кричу,—рука же
Стала ледяная.
Изъ холодныхъ рукъ насили
Вырвала я руку...
Что, цыганъ, когда бъ такую
Дочь имѣлъ ты суку,—
Что бъ ты сдѣлалъ?

Цыганъ.

Я не знаю.

Вѣдьма.

Такъ молчи! Забуду...
Еле-еле вспоминаю:
Дѣтокъ я кормила,
Въ засѣкѣ прятала. Себѣ же
Я очипокъ сшила—
Спрятать стриженные косы;
Кое-какъ бродила,
Пока люди возлѣ хаты
Гробъ не сколотили.
Сколотили, положили,
Отнесли, зарыли.
И одна я, какъ былинка
На полѣ, осталась
Во всемъ свѣтѣ. Были дѣти—
Гдѣ они дѣвались!

(Плачетъ и поетъ:)

«Я въ оврагъ ходила,
Да воду носила,
Каравай мѣсила,
Дочку отдавала,
Сына поженила...
И... гу!..

III.

Цыганъ.

Не вой такъ жалобно,—разбудитъ
Всѣхъ крикъ твой.

Вѣдьма.

Развѣ я кричу?

Цыганъ.

Ну, хорошо. Что дальше будетъ,
Разсказывай.

Вѣдьма.

А что мнѣ дашь?

Наваришь ты завтра мамалыги?

Я кукурузы принесу...

Вспоминаю! вспоминаю!—

Съ дочкой панъ проклятый

Спать легъ; сына же, сыночка

Выгналъ вонъ изъ хаты,

Сдалъ въ лакеи... Вотъ какъ было:

Я собакъ дразнила;

Вмѣстѣ съ нищими у оконъ,

Близнецовъ носила

За плечами, чтобъ привыкли...

Вотъ и панъ явился,

На село приказъ онъ отдалъ—

Такъ распорядился:

Чтобъ меня не выгоняли

Изъ отцовской хаты,

И меня взялъ съ близнецами

Онъ въ свои палаты.

Вырастаютъ мои дѣтки—

Ими утѣшаюсь—

И попрежнему со змѣей.

Паномъ я выдаюсь.

Довидалася до края...

Сына онъ въ лакеи

Отдалъ, слышишь. Ну, а съ дочкой...

Слышишь ли, съ своею!..

Что по-вашему—грѣшно ли?

Такъ у васъ творится?..

Далъ мнѣ денегъ и отправилъ

Въ Кіевъ помолиться;

Да напрасно я ходила,—

Даромъ я трудилась,

И напрасно предъ святыми

Богу я молилась...

А у васъ есть Богъ?—У насъ Онъ

Въкраденъ панами

И запрятанъ Онъ въ шкатулки,

Запертъ Онъ замками!..

Вотъ изъ Кіева пришла я,—

Двери на заперѣ:

Онъ забралъ ее съ собою

И уѣхалъ вскорѣ,—

Съ ней, съ Наталочкой... Ты слышишь?

И остригъ, проклятый,

Какъ меня тогда. Помчалась

Изъ родимой хаты

Я въ Валахію. Ищу ихъ,

Какъ сова летаю

Надъ оврагами, да дѣтокъ

Съ плачемъ призываю...

Наталочку?.. Нѣтъ! Нѣтъ!—пана!

Отыщу—зубами

Разорву!.. Меня возьмите,

Я пойду за вами,

Буду я водить медвѣдя,

А какъ пана встрѣчу,

То спущу медвѣдя съ цѣпи

Палачу навстрѣчу.

Не спущу—сама грызть стану...

Я еще дѣвица,

Такъ не хочешь ли на мнѣ ты,

Цыганъ, пожениться?

Я ужъ сына поженила,

Дочка пусть гуляетъ:

Гдѣ-нибудь она подъ тыномъ

Вѣкъ свой доканаесть...
 Посмотри—вонъ сынъ мой Ваня—
 Нѣтъ его милѣе...
 Ухъ, какъ холодно, морозно!..
 Денегъ дай скорѣе,
 Нитку бусъ куплю;—тебя же
 Задушу ей!..—Слышь-ка,
 Вонъ несетъ дорогой въ Кіевъ
 Мышенятокъ мышка;
 Встрѣтитъ панъ—отниметъ дѣтокъ
 Онъ у мышки бѣдной...
 Что жъ,—найду своихъ я дѣтокъ,
 Сгину ли безслѣдно?

И замолкла, какъ заснула.
 Въ таборѣ вставали,
 Разобравъ шатеръ, въ дорогу
 Собираться стали.
 Собрались,—пошли степями,
 Помоляся Богу.
 И она, голубка, съ ними
 Тронулась въ дорогу.
 Отъ воевъ она ни шагу
 Шла не отставая,
 Про себя тихонько-тихо
 Пѣсню напѣвая:
 «Говорятъ, что судъ настанетъ,
 А суда не будетъ,
 Осудили меня люди,
 Кто жъ еще осудить?»

IV.

Изъ-за Днѣстра пошли цыгане
 И на Волинь, и на Украину.
 За селомъ село минуя,
 Въ города входили,
 И, какъ тѣнь, они бѣдняжку
 За собой водили.
 Пѣла пѣсни, танцевала,

Не пила, не ѣла,—
 Все ходила за обозомъ,
 Словно смерть, глядѣла,
 А потомъ очнулась сразу,—
 Стала хорониться
 За шатрами,—питъ, ѣсть, Богу
 По ночамъ молиться.
 Что съ ней сдѣлала такое
 Бабка Маріула?
 Знать, дала травы цѣлебной,
 Коли все минуло...
 А потомъ ее учила,
 Какъ вести лѣчение,—
 Отчего трава какая,
 Какъ копать коренья,
 Какъ сушить, варить лекарства,
 А она училась
 У старухи,—да и Богу
 Про себя молилась.
 Лѣто минуло, другое,
 Третье наступало,
 По Украинѣ шли. Чего-то
 Вдругъ ей жалко стало.
 Попрощалася со всѣми,
 Помолилась Богу,
 Поклонилась Маріулѣ—
 Да и въ путь-дорогу.
 И пришла,—и со сторонкой
 Свидѣлась родною;—
 Какъ ребенокъ всѣмъ довольна,
 Весела душою.
 Проходила ли по седамъ,
 Все больныхъ искала,
 Всѣхъ лѣкарствами поила,—
 Всѣмъ имъ помогала.
 Въ домъ лишь къ осени вернулась,
 Хатку натопила.
 Все, и злое и не злое—
 Навѣки забыла.
 И съ любовью, словно ангелъ,

Надъ землею витала,
 Всѣхъ простила, всѣхъ любила—
 И легко ей стало.
 И сосѣди не чуждались,—
 Все село любило,
 А она къ болящимъ людямъ
 День и ночь ходила;
 Помогала всѣмъ безъ платы,
 Устали не знала,
 Коль давали,—то все бѣднымъ
 Людямъ отдавала.
 Или свѣчку въ воскресенье
 Образу поставитъ
 За всѣхъ грѣшныхъ,—у себя же
 Гроша не оставитъ.
 «Мнѣ на что?—бывало скажетъ,—
 У меня не дѣти».
 И заплачетъ. Такъ вотъ такъ-то
 И жила на свѣтѣ,
 Вѣкъ не долгій доживала.
 Дѣвчата бывало
 Съ ней дневали, ночевали,
 Хату прибирали,—
 Бѣло-на бѣло бѣлили
 И обѣдъ варили,
 По веснѣ же всю цвѣтами
 Хату украшали:
 Воротить и не просили,—
 Такъ ее любили.
 Въ хатѣ рай,—какъ будто солнце
 Въ ней и не заходитъ:
 Въ хатѣ цѣлый день все люди:
 Никто не проходитъ,—
 Кто поздравитъ съ добрымъ утромъ,
 Кто травки попроситъ,
 Кто калачикъ, каравайчикъ,—
 И всего наносятъ.
 И не въ тягость, а съ любовью
 Приношенье это!
 И живетъ она,—довольна

Всѣмъ,—сыта, одѣта...
 Такъ-то вотъ ее любили,
 Всѣ и уважали,
 А все-таки «покрыткою»
 И «вѣдьмою» звали...

V.

Въ подушкахъ весь и съ докторами,
 Съ болѣзню—подагрой злой—
 Панъ привезенъ былъ издалика
 Въ Украину раннею весной.
 Одинъ пріѣхалъ. Гдѣ же дѣти?
 Дочь на борзую промѣнялъ,
 А сына въ карты проигралъ.
 (Вотъ что случается на свѣтѣ!
 А что же дѣлать? Какъ тутъ быть?)
 Вотъ принялись его лѣчить,—
 Всѣ доктора его лѣчили,
 Чего съ нимъ только не творили!
 Увы! Не будетъ ужъ грѣшить,
 Хоть и хотѣлось бы... Простила!..
 Святого зелья наварила
 И съ добрымъ сердцемъ изъ села
 Врага лѣчить она пошла
 Въ палаты грустныя. Просила,
 Чтобъ пана зельемъ напоить,
 Божилася, что будетъ жить.
 Но доктора не допустили,—
 Прогнали, чуть ли не побили.
 Взяла горшочекъ и пошла;
 Дорогой дѣтокъ вспоминала
 И плакала,—ей жалко стало,
 Что пану помощь не дала.

Весна зиму прогоняетъ,
 Оживаетъ грудь земли,—
 И цвѣты ужъ расцвѣтаютъ;
 Издалика журавли

Высоко летятъ ключами,
И широкими степями
Чумаки на Донъ пошли.
Рай на небѣ, на землѣ—
Божья благодать!
Такъ какого жъ еще рая
Людымъ бы желать?

Панъ же при смерти,—его ужъ
Даже причащали;
Чтобъ конца скорѣй дождаться,—
На солому клали...
Нѣту смерти! Что же дѣлать?—
Доктора не знали...
Вдругъ ему полегче стало.
«Мнѣ Лукерью надо!»—
Прошепталъ онъ и затрясся,
Словно въ мукахъ ада.
Привели въ палаты вѣдму;
Доктора просили,
Чтобъ она имъ, сколько можно,
Помогла по силѣ.
Подошла къ ногамъ и молча
Тихо, тихо встала
И за грѣшнаго молитву
«Отче нашъ» читала.
Панъ очнулся, оглянулся:
«Что же вы стоите?
Вонъ ее скорѣй, скорѣе
Отъ меня гоните!..
Нѣтъ, постойте!—Ты простишь ли?
Иль ты не забыла?..»
Слезы первыя блеснули...
— «Я давно простила!..»
Дала ему свѣчку въ руки
И перекрестила.
Онъ заснулъ: навѣки сердце
Перестало биться,
И она одна осталась
За него молиться...

VI.

Записала въ поминанье,
И въ Кіевъ ходила,
И за пана за врага
Господа молила.
А къ осени воротилась
Вновь въ родную хату,
И, какъ мать, ее встрѣчали
Съ ласкою дѣвчата,
И ходить на посидѣлки
Вечерами стали,
И, какъ мать, ее любили
Всѣ и уважали.
А она ихъ, какъ на свѣтѣ
Жизнь прожить, учила:
Говорила, какъ дѣвицей
Пана полюбила,
Какъ потомъ «покрыткой» стала,
Стриженой ходила,
Какъ блуждала съ цыганами,
Близнецовъ родила,
Какъ лѣчить ее учила
Бабка Маріула,—
И про все про то, что было
И давно минуло.
Напугаетъ такъ дивчатокъ
Сказками своими,
Что тѣ крестятся бывало,
Будто панъ тутъ съ ними.
Успокаивать начнетъ ихъ—
Просить, заклинаятъ:
«Не любитеся съ панами,—
Богъ васъ покараетъ!
И пойдете вы по свѣту
Такъ, какъ я ходила:
Мать и батьку погубите,
Какъ я погубила.
Ваши дѣти людымъ на смѣхъ
Будутъ жить на свѣтѣ

Также, какъ мои!.. О, Боже!
Дѣти мои!.. дѣти!..»

Вотъ такъ она научала.
Дѣвушки крестились
И плакали, а въ ночи имъ
Все паны тѣ снились,—
И съ рогами, и съ хвостами,
Будто рѣжутъ косы!
И кусаютъ, и смѣются,
И простоволосыхъ
На собакъ борзыхъ мѣняютъ,
Въ деготь окунаютъ,
И на улицу выводятъ,
И людей скликаютъ,
Чтобъ смотрѣли. Вотъ какіе
Сны имъ ночью снились!
Но онѣ къ ней «въ посидѣлки»
Все-таки сходились...

Подошла весна съ цвѣтами.
Разъ старуха встала,
Вышла въ поле за травой—
Тамъ и запропала.
И въ обѣдъ, и въ ужинъ бабку
Долго, долго ждали:
Гдѣ ихъ matka не родная,
Дѣвушки не знали;
Ужъ пастухъ сказалъ, что видѣлъ,
Въ полѣ, на могилѣ,
Какъ старуху-вѣдъму черти
Въ лужѣ утопили.
Отыскали вѣдъму: міромъ
Безъ попа зарыли;
Колъ осиновый въ могилу,
Такъ, какъ надо, вбили.
А дивчата всю могилу
Скрыли подъ цвѣтами
И осинку поливали
Горькими слезами.

И ростеть на той могилѣ
Дерево проклято:
Вѣдъму тамъ похоронили;—
Креститесь, дѣвчата!
Креститесь и не лѣстите
На пановъ лукавыхъ,—
Пропадете вы навѣки
Отъ недоброй славы!..

И. Бьлоусовъ.

7. III. 1847.
Седневі.

— о —

* * *

Не грѣеть солнце на чужбинѣ,
А дома жгло оно меня;
Но былъ печалень я и дома,
Не видя радостнаго дня.
Въ родной и славной Украинѣ
Меня никто не приласкалъ;
Къ кому приникнуть головою
Въ минуты скорби, я не зналъ.
Блуждая, въ пламенной молитвѣ
Я цѣпи рабства проклиналъ;
О временахъ давно минувшихъ
Съ глубокой скорбью воспоминалъ;
О дняхъ, когда Христа распяли...
Да и теперь не пощадятъ
Маріи Сына злые люди;
Приди Онъ—вновь Его казнятъ!
Мнѣ всюду грустно, люди-братья!
И въ Украинѣ, можетъ быть,
Никто мою больную душу
Не въ состояньи исцѣлить.
Такіе жъ люди на чужбинѣ...
Но одного хотѣлъ бы я,—
Чтобъ не была чужой рукою

Могила вырыта моя;
 Хотя шепоточку землицы
 Изъ-за Днѣпра, страны родной,
 На мощныхъ крыльяхъ вѣтеръ вольный
 Принесъ бы узнику съ собой.
 Еще... Да не о чемъ и думать,
 Къ чему о будущемъ гадать.
 Коли по-нашему не будетъ,
 Зачѣмъ и Бога утруждать...

Е. Нечаевъ.

1847
 Орская крѣпость.

Сонъ.

Горы мои высокія!
 Изъ туманной дали
 Предо мной чертою синей
 Вы, какъ прежде, встали.
 Пусть найдутся горы выше,
 Сердцу эти милы,
 Съ Переяслава синѣя
 И съ Выблой могилы.
 Иду я тихими шагами,
 Смотрю, и вотъ передъ глазами,
 Какъ чудо, медленно изъ тучи
 Выходятъ лѣсъ, оврагъ и кручи,
 Обрывъ высокій, а вдали
 Бѣлѣютъ мазанья хаты,
 Какъ будто, малые ребята
 Въ рубашкахъ бѣлыхъ забрели
 Въ оврагъ аукаясь, играя;
 А дальше полоса стальная—
 То Днѣпръ блеститъ, казакъ съдой.
 Въ лучахъ играя, надъ Днѣпромъ
 На косогорѣ храмъ простой,
 Казачья церковь небольшая

Стоитъ съ покривленнымъ крестомъ,
 Кого-то тихо ожидая.

Давно стоитъ, ожидая
 Запорожца съ Луга,
 О тоскѣ Днѣпру родному,
 Говоря, какъ другу.
 И глядятъ руины грустно,—
 Словно въ міръ свободный
 Смотритъ мертвый изъ могилы
 Темной и холодной.
 Можетъ быть, ты обновленья
 Ждешь? Не жди напрасно!
 У сыновъ твоихъ убогихъ
 Нѣту силы властной...
 А паны? Паны далеко,
 Мысли ихъ лукавы,
 Нѣтъ имъ дѣла до великой,
 До казачьей славы.

А Трахтемирово горою
 Свои хатенки съ ихъ судьбою,
 Печальной, горькой и убогой,
 Всѣ разбросало, какъ дорогой
 Кошель бросаетъ пьяный нищій,
 А дальше, вонъ, Монастырище—
 Казачье славное село—
 Такимъ ли нѣкогда слыло?
 Да все пошло панамъ въ забаву:
 Село и запорожья слава,
 И монастырь родной земли,—
 Все, все по крохамъ разнесли,
 Все растащили злые воры,—
 А вы,—вы отдали имъ, горы...
 Смотрю на васъ, и сердцу больно
 Отъ васъ, проклятыхъ! Нѣтъ, невольно
 Я проклялъ васъ... Не голубья
 Виновы горы въ разореньи,—
 А гетманы,—поляки злые,
 Усобники, что на глумленье
 Поля оставили родныя...

Простите жъ горькіе укоры
Мнѣ, голубѣющія горы.
Святые, лучшія на свѣтѣ,
Простите мнѣ проклятыя эти...
Страданья въ сердцѣ слишкомъ много,
Украину такъ мою люблю,
Что за нее, проклявши Бога,
Навѣки душу погублю...
Надъ Трахтемировымъ высоко
На кручѣ, словно сирота,
Что подошла къ Днѣпру топиться
Въ глубокихъ водахъ, одиноко
Стоитъ домокъ. Предъ нимъ ложится
Рѣки блестящая черта,—
И съ выси далеко кругомъ
Украину видно. Надъ Днѣпромъ
Уже спустилося къ закату,
Краснѣя, солнце, а у хаты
Старикъ съ сѣдою головой
Сидитъ одинъ. На усъ сѣдой
Слеза горячая стекаетъ.
Онъ что-то думаетъ, вздыхаетъ
И тихо говоритъ съ собой:
«Эхъ, погубили край родной,
Рай святой»... И вдругъ сурово
Лицо потемнѣло,
Словно вырваться съ проклятемъ
Слово захотѣло.
Старикъ сдержался: «Я не мало
Бродилъ по дальнимъ сторонамъ,
И тамъ, за кряжами Урала,
Я видѣлъ горе... Но и тамъ
Средь киргизовъ счастья больше,
Чѣмъ у насъ въ Украинѣ,
Оттого ль, что тамъ не знаютъ
О Христовой тайнѣ?
Много къ намъ, Христосъ, страданья
Ты принесъ съ собою,
Но людей не могъ исправить
Правдою святою.

За Христову правду наши
Головы катились,
За нее чужою кровью
И своей омылись;
Но въ потокахъ красной крови
Мы грѣха не смыли,
Безъ ножей, костровъ горящихъ
Людей закрѣпили,
И тѣснимъ его въ оковахъ,
Въ горѣ, какъ въ туманѣ.
Эхъ, паны! Борцы за правду,
Эхъ, вы, христіане!»
Затихъ старикъ мой и вновь съ тоскою
Поникъ сѣдою онъ головою.
Солнце краснѣло и лѣсъ золотило,
Рѣку и поле багрянцемъ крыло.
Соборъ Мазепы вдали бѣлѣетъ,
Курганъ Богдана въ степи темнѣетъ,
Бѣгущей въ Кіевъ большой дорогой
Склонились вербы въ тоскѣ глубокой,
И наклонились и осѣнили
Вѣтвями насыпь, тамъ, на могилѣ,
И межъ осокой сошлись густою
Съ Трубайломъ Альта, какъ братъ съ сестрою.
Кругомъ все тихо, все взоръ ласкаетъ,
А сердце плачетъ, не утихаетъ.
Попрошалось красно солнце
Съ темною землею,
Въ небѣ всходитъ блѣдный мѣсяцъ
Съ ясною звѣздою;
Отъ сіянья ихъ какъ будто
Тучи освѣтились,
А старикъ взглянулъ, и снова
Слезы покатались.
«Боже! Ты меня услышалъ!
Въ годы испытаній
Далъ мнѣ силъ снести всю тяжесть,
Гнетъ моихъ страданій.
Далъ мнѣ силъ бороться смѣло
Съ налетѣвшимъ горемъ,

И привелъ къ святымъ для сердца,
Вѣчно милымъ горамъ.
Жизнь дожить, Тебя прославивъ,
Отдохнуть душою
Въ красотѣ глубокой міра,
Посланной Тобою.
Схоронить и сердце съ горемъ,
Съ мукой, съ болью злыми
На горахъ,—и взвиться вольно,
И витать надъ ними». —
Съ глазъ тихонько вытеръ слезы,—
Пусть не молодья,
Не остыли все жъ. И вспомнилъ
Онъ года иные...

«Что, гдѣ, когда и какъ творилось,
Что наяву и что мнѣ снилось?
Гдѣ я моря переплывалъ?
И темный лѣсъ, и соловей,
Что, замирая, щебеталъ
Въ калинѣ, пѣсней своей
Прославивъ Бога, и подруги
Бровей темнѣющія дуги,
И мѣсяцъ съ свѣтлыми звѣздами,—
Все на Украинѣ!..» И старикъ
Мой улыбнулся надъ мечтами...
«Да, было все,—и все на мигъ...
Встрѣчались нѣкогда, любили,
И разошлись, и остыли;
И вотъ одинъ, забытый, въ хатѣ,
Здѣсь доживаю на закатѣ»...
Старикъ опять взгрустнулъ немного,
И всталъ, и долго такъ ходилъ,
И, помолвившись тихо Богу,
Ушелъ къ себѣ... А мѣсяцъ ясный
Закрылся тучею ненастной...

Вотъ такой мнѣ на чужбинѣ
Свѣтлый сонъ приснился,
Будто снова я на волѣ,
Снова въ міръ родился...
Къ этимъ горамъ обдѣленнымъ

На моей отчизнѣ
Приведи меня, мой Боже,
Хоть на склонѣ жизни.
Помоги больное сердце
Съ ношей горя злого
Положить на синихъ горахъ
У Днѣпра родного.

Ада Чумаченко.

1847
Орская крѣпость.

Иржавецъ.

Натворили славны шведы
Себѣ громкой славы,
Какъ съ Мазепой побѣжали
Прочь изъ-подъ Полтавы,
А за ними Гордіенко...
Разсудила мать,—
Что, молъ, словно сжать пшеничку,
Такъ Полтаву взять.
Ой, пожали бы, когда бы
Дружно вмѣстѣ встали,
Да примкнуть къ себѣ Палея
Съ гетманомъ склоняли.
Не торчали бъ пики въ крышѣ
У Петра у свата,
Не бѣжали бъ изъ Хортицы
Славны соколята;
Не сдержалъ бы ихъ Прилуцкій
Полковникъ поганый,
Не рыдала бъ Матерь Божья
Въ Крыму по Украинѣ.

Когда казаки день и ночь
Съ тоской и грустью покидали
Родную степь и мать Сѣчь,

Они съ собой лишь образъ взяли
Пречистой Матери и съ нимъ,
На милость Божью уповая,
Пошли печально къ хану въ Крымъ—
Въ неволю изъ родного края.

Заслонило черной тучей,
Бѣлой тучи не видать,
Запорожцами татаринъ
Сталъ въ Крыму повелѣвать.
На песокъ хотя и далъ имъ
Свой раскинуть станъ,
Церковь строить запорожцамъ
Не дозволилъ ханъ.
И поставили въ палаткѣ
Образъ Пресвятой,
И молилися укладкой
Съ жаркою слезой.

Край ты мой прекрасный, роскошью богатый!
Кто тебя не мучилъ? Если бъ рассказать
Про дѣла хотя бы одного магната,—
Можно адъ кромѣшный ими испугать!
А сѣдого Данта, разсуждая строго,
Шляхтичемъ незнатнымъ можно удивить.
И все горе это, говорятъ, отъ Бога!
Неужели Богу весело казнить
Нашъ народъ несчастный на Украинѣ милой?!
Что ты сдѣлалъ, край мой? Въ чемъ такъ виноватъ,
Что и самъ ты гибнешь, и съ тоской унылой
Славны твои дѣти въ кандалахъ молчать?!...

Разсказали кобзари намъ
О войнѣ и смутахъ,
И о тяжкомъ лихолѣтѣ,
И о карахъ лютыхъ,
Что намъ ляхи задавали,—
Все намъ разсказали.
Послѣ шведовъ что творилось,—
Такъ объ этомъ дѣлѣ
Намъ со страху бандуристы
Слова не пропѣли.

Онѣмѣли съ перепугу
Бѣдняки слѣпые:
Вотъ какъ тѣ, Петра собаки,
Воеводы злые
Рвали, грызли... Изъ далека
Казаки слыхали,
Какъ ужъ въ Глуховѣ звонили,
Пушки грохотали;
Какъ погнали строить городъ
Новый на трясинѣ,
Какъ по дѣткамъ мать-старушка
Плакала въ кручинѣ;
Какъ въ Орлѣ сторожевую
Линію копали
И въ Финляндіи въ сугробахъ
Дѣтки пропадали.
И почуяли казаки
Изъ неволи Крыма,
Что къ гетманщинѣ невинной
Смерть неумолима.
Чутко слышали бѣдняги,
Но въ дали молчали,—
Ихъ самихъ князья-татары
Больно донимали.
Истерзались горемыки,
Плакали, а съ ними
Зарыдала Матерь Божья
Слезами святыми;
Милосердная рыдала
И взывала къ Сыну,—
И взглянулъ Господь на слезы
И на Украину:
И за тѣ святыя слезы,
За людскія раны
Наказалъ Петра въ дорогѣ,
Наказалъ тирана.
И вернулись запорожцы,
Принесли обратно
На Украину чудотворный
Образъ Благодатной;

И поставили въ Иржавцѣ
Въ храмѣ на просторѣ;
Тамъ она и нынѣ плачетъ
О казакомъ горѣ.

Θ. Гавриловъ.

1847

Орская крѣпость.

А. О. Козачковскому.

Давно то было—вспоминаю,—
Я у дьячка въ учебѣ былъ,
И какъ-то разъ пятакъ тихонько
Я у того дьячка стащилъ.
(Я былъ такъ бѣденъ и несчастенъ,—
Ходилъ босой и чуть не голъ!)
Купилъ бумаги, книжку сдѣлалъ,
Листки рисунками обвелъ,
«Сковороду», «Царей съ дарами»
Тайкомъ я въ книжечку писалъ
И плакалъ горькими слезами
Въ бурьянѣ, чтобъ никто не зналъ.
И вотъ опять пришлось таиться
Подъ старость съ музою своей,
Въ бурьянѣ прятаться и плакать,
Скрывая думы отъ людей.
За что жъ меня Господь караетъ?
Я въ школѣ мучился и росъ,
Сѣдѣть я въ школѣ начинаю,—
А научиться не пришлось!
Такъ неученымъ и схоронять.
Господь меня не возлюбилъ
За то, должно быть, что когда-то
Я у дьячка пятакъ стащилъ.
Такъ вотъ, видишь ли, мой голубъ,
Какъ живу, страдаю,
Какъ я мучаюсь въ неволѣ,—

Вѣкъ свой доживаю.
Научи своихъ ты дѣтокъ,
Чтобъ писать боялись;
Научи, чтобъ съ малолѣтства
Съ музою не знались!
А ужъ если такъ случится,—
Надо покориться:
Пусть онѣ пишеть въ уголочкѣ,—
Отъ людей таится,
Такъ, чтобъ Богъ не зналъ, и ты самъ
Чтобъ про то не вѣдалъ,
Чтобъ подъ старость моей доли
Сынъ твой не извѣдалъ!

Какъ воръ, тайкомъ я за валами
Прокрадусь въ праздникъ, выйду въ поле,
И проберусь я по Уралу—
И выйду въ степь, вздохну на волѣ.

И забитое, больное
Сердце встрепенется,
Словно рыбка надъ водою...
Тихо усмѣхнется.
Полетитъ оно голубкой
По-надъ чужимъ полемъ,—
И я словно оживаю
На полѣ, на волѣ.
И на гору высокую
Выхожу, люблюсь,
Вспоминаю Украину,
Вспоминать боюсь!

И тамъ степи, и тутъ степи,
Да тутъ не такія,—
Ржавы, ржавы, даже красны,
А тамъ—голубыя,
Перерѣзаны межами,
Нивами-полями,
Высокими могилами,
Темными лугами.

А тутъ бурьянъ да гладь степей,
И хоть бы на смѣхъ гдѣ могила

О давнемъ-давнемъ говорила...
Здѣсь будто не было людей!
Споконъ вѣковъ да и донинѣ
Никто и не жилъ въ той пустынѣ,
Но мы ее таки нашли
И крѣпости тамъ возвели,
А скоро будутъ и могилы:
У насъ на все хватаетъ силы!

О, моя доля, моя Украина,
Когда же я эту пустыню покину!..

Иль можетъ (спаси Боже!)

Тутъ я и загину,

И тѣнь покроетъ родное поле...

«Ай-да! въ казармы! Ай-да въ неволю!»

Какъ будто крикнетъ кто надо мною,

И я опомнюсь... И за горою,

Какъ воръ, крадуся я за валами

Пустыней голой съ ея песками.

Такъ праздникъ Свѣтлый

Я здѣсь встрѣчаю;

Конца мученьямъ,

Мой другъ, не знаю!..

Наступитъ ночь въ смердячей хатѣ,

И думы грустныя придутъ,

Больное сердце и надежду

И все на свѣтѣ разобьютъ.

Задержутъ ночь,—часы годами,

Вѣками глухо потекутъ,

И я постелю омочу

Не разъ кровавыми слезами.

Не отчаянье въ неволѣ

Въ ночи слезы точить;—

Мой великой грѣхъ наружу

Вырваться все хочетъ,

Только жаль покинуть душу,

Съ нею жаль разстаться.

Страшно мнѣ, мой другъ душевный,

Смерти дожидаться!..

И я считаю дни и годы,—

Когда и гдѣ кого любить,—

И никого не нахожу я,—
Какъ будто по лѣсу бродилъ!
Была и воля, была и сила,
Да силу я займы отдалъ,
А воля въ гости все ходила,—
Тамъ напилась—и слѣдъ пропалъ!

Прошу я Бога, чтобъ разсвѣтало,

Какъ воли, солнца, свѣта жду.

Сверчокъ замолкнулъ, пробили «зорю»,

Я на позорище иду:

Сѣдого дурня учиться строю

И муштровать его ведутъ,

Чтобъ зналъ какъ волю держать въ почетъ,

Чтобъ зналъ, что дурня повсюду бьютъ!..

Такъ день за днемъ идетъ, проходитъ,

Конца я края не дожусь.

Такъ жизнь пройдетъ, и такъ, быть можетъ,

И передъ Богомъ я явлюсь.

И доли я не проклиная,

Творя молитву лишь свою:

«Не дай, о, Милостивый Боже,

Мнѣ умереть въ чужомъ краю!»

Проходятъ годы молодые;

Надежды нѣтъ. Кругомъ темно;

Какъ прежде, гнетъ тяжелый давить

И сердце муками полно.

А можетъ быть, дожить придется.—

Надежда въ душу мнѣ вернется,—

Я изъ Днѣпра воды напьюсь

И вновь съ тобою обнимусь,

Въ твоей уютной, тихой хатѣ,

Быть можетъ, снова появлюсь

И заведу съ тобой бесѣду...

Но вѣрить этому боюсь.

Все это сбудется ль когда?

Или придется съ того свѣта

Украину видѣть? Для себя

Не жду желаннаго отвѣта.

Порою не хватаетъ слезъ,

Какъ смерти я тогда желаю,

Но грустно, что въ послѣдній мигъ
Украины я не повидаю.
Надежда свѣтлая въ груди
И ты и Днѣпръ въ родной отчизнѣ
Молить мнѣ Бога не даютъ
Конца бездольной, горькой жизни!..
И. Бѣлоусовъ.

1847
Орская крѣпость.

— o —

* * *

Начну-ка вновь стихи писать
(Тайкомъ, конечно!). Ну-ка, снова,
Пока заправлена основа,
Начну старье я лицевать...
То-есть,—какъ лучше бы сказать,
Чтобъ не соврать,—начну-ка снова
Людей и долю проклинать:

Людей за то, чтобы знали

И насъ уважали.

Долю,—чтобы не дремала

Да насъ охраняла.

А то вишь что натворила:

Бросила бѣдняжку,

На распуты,—горя мало!—

И, вздыхая тяжко,

Поплелся онъ, сѣдоусый,

Но дитя душою,

По чужимъ скитаться людямъ

Съ горемъ да тоскою.

Очутился за Ураломъ,

Въ пустынь, въ неволю...

Какъ тебя не проклинать мнѣ,

Лукавая доля?

Нѣтъ,—тебѣ, моя ты доля,

Не пошлю проклятья;—

Буду, прячась за валами,
Пѣсни распѣвать я!
И въ тоскѣ ждать буду въ гости
Въ тяжкую неволю
Со сторонки Заднѣпровской
Тебя, мою долю...

И. Бѣлоусовъ.

1848
Орская крѣпость.

— o —

* * *

Никому не дай-то, Боже,
Какъ теперь подъ старость мнѣ,
Пропадать въ неволѣ тяжкой
На далекой сторонѣ.
И пошелъ бы степью-лугомъ
Грусть-печаль я разогнать,
Скажутъ: «Стой! изъ этой хаты
Не пускаютъ погулять!»

1848
Орская крѣпость.

Ө. Гавриловъ.

— o —

* * *

Ну, что, подумаешь, слова,—
Слова и голосъ,—что такое?
А сердце, ихъ слышавъ, бьется;
Самимъ, зная, Богомъ то дается—
И голосъ тотъ и тѣ слова
И въ мѣръ идутъ они...

Однажды

Не то, чтобъ очень я скучалъ,
А такъ на палубѣ стоялъ,

Смотрѣлъ на море. Изъ тумана,
Гляжу я, стала выплывать
Червонолицая Діана;
На круглолицую дѣвицу
Остался я смотрѣть; со мной
Землякъ-матросъ изъ Островной
На вахтѣ, какъ и я, стоялъ
И потихоньку напѣвалъ,
Чтобъ капитанъ не услыхалъ.
А онъ былъ строгъ, хотъ и землякъ.
Матросъ же пѣлъ, какъ тотъ казакъ,
Что въ наймахъ выросъ сиротою,
Идетъ въ войска въ Москву служить.

Давно я слышалъ пѣсню ту,
Ее дивчина распѣвала...
И жалко мнѣ,—такъ жалко стало
Того бѣднягу, сироту,—

«Что онъ утомился,
Къ тыну привалился;
Люди идутъ, разсуждаютъ—
Видно, онъ напился?..»

И я заплакалъ горько, горько:
Мнѣ было жалко сироты.

Такъ что жъ теперь заплакалъ ты?
О чемъ, старикъ, грустишь въ неволѣ?
Что ты и самъ солдатомъ сталъ,—
Живешь безъ свѣта и безъ воли?
Что въ сердцѣ лучшаго, святого
Ужъ не осталось и слѣда;—
Оно отъ мукъ разорвалось...
Такъ вотъ какъ жить-то довелось
Тебѣ, голубчикъ!—Правда?—Да!..

1848
На Аралѣ.

И. Бьлоусовъ.

* * *

Какъ за подушнымъ обступили
Меня на чуждой сторонѣ
Тоска и старость въ полной силѣ.
Куда отъ нихъ укрыться мнѣ?
Что дѣлать, Боже?—И гуляю
Я по Аралу, и пишу
Стихи украдкою,—грѣшу:
Въ душѣ своей перебираю,
Что я давнымъ-давно ужъ знаю,—
Лишь къ одинокому печаль
Не лѣзла бъ въ душу, какъ москаль...
Она же, лютый мой злодѣй,
Знай, напираетъ все больнѣй!

1848
На Аралѣ.

Ө. Гавриловъ.

П. С.

Что злой?—Съ нимъ рядомъ злая слава,
Какъ вѣрный стражъ всегда бредетъ;
Но «добряковъ» душа лукава,—
«Добрякъ» самъ славу проведетъ.

И нынче скорбь въ душѣ я чую,
Какъ вспомню сторону родную,—
Готическій съ часами домъ,
Село голодное кругомъ...
И шапку мужичокъ снимаетъ,
Завидѣвъ флагъ... То знакъ, что панъ
Гостей съ почетомъ принимаетъ.
Упитанъ баринъ, какъ кабанъ,
И въ хлѣбосольствѣ очень рьянъ...
Ведетъ отъ гетмановъ дворянство;
Онъ презавзятый «патріотъ»,

Онъ вѣренъ духу христіанства
И въ Кіевѣ ѣздитъ каждый годъ.
Онъ въ зипунѣ межъ господами
Казаться любить простякомъ,
Готовъ пить водку съ мужиками
И вольнодумецъ подъ хмелькомъ.
Онъ весь тутъ—хоть пиши перомъ!
Какъ пару каждый день перчатокъ,
Мѣняетъ женщинъ,—и проста
Въ годъ изъ дѣтей своихъ съ десятокъ
Самъ креститъ именемъ Христа.
Позоръ и срамъ вокругъ! Къ чему же
Его такъ люди не зовутъ?
Что на него всѣ не плюютъ?
Не топчутъ въ грязь? О, люди! Хуже
Нѣтъ васъ! Вамъ чарку поднеси
Съ кускомъ вонючей колбасы,
А послѣ мать хоть попроси,—
Мать отдадите...

Жаль не злого,
Не пьянаго Петра кривого;
Обидно, больно за людей,
Слѣпыхъ, юродивыхъ дѣтей.

1848
Надъ Араломъ.

Павель Тулубъ.

* * *

Средь темныхъ скалъ, въ ночи, какъ воръ,
Идетъ казакъ тропою трудной
По-надъ Днѣстромъ. Тревожный взоръ
Въ водѣ чего-то ищетъ мутной,
Какъ будто ждетъ врага опять,
Какъ будто хочетъ онъ сказать:
«Днѣстръ мой бурный! На свободу
Вынеси съ собою,
Иль оставь меня подъ мутной,
Быстрою волною».

Раздѣлся на камняхъ и въ воду
Съ размаху бросился,—плыветъ...
Рѣка свинцовая реветъ
И вотъ, выносить на свободу.
Налетѣли волны бурно
На берегъ холодный
И ушли... Казакъ на волѣ—
Голый, но свободный.
Что жъ просить еще у Бога,
Если далъ Онъ волю?
Подожди! Еще попросишь
Ты и лучшей доли...
Можетъ быть, просить и счастья
Станешь ты у Бога,
Можетъ быть, ведетъ къ страданью
Новая дорога?..

Спустился въ яръ казакъ. Идетъ
И пѣсню на ходу поетъ:

«Изъ-за горы, изъ-за кручи,
Шли можары скрипучія,
А за ними черноброва
Шла, роняя слезы жгучія».

Эхъ, все равно ужъ! Какъ хотите,
Хоть не читайте,—хоть браните,
У васъ участія не прошу,—
Я для себя теперь пишу.
Пусть трудъ и время я потрачу,
Быть можетъ, Богъ пошлетъ,—заплачу,
Съ меня довольно!—Ну, и такъ:
Свой домъ, жену, старуху мать
Покинувъ, бѣдный мой казакъ
На Бессарабію искать
Пошелъ судьбы своей у моря.
Въ далекій край погнало горе.
Пусть говорятъ, что, словно волъ,
Покоренъ будетъ рабъ голодный,
Но онъ все бросилъ и ушелъ
Вдаль, къ жизни свѣтлой и свободной.

.

Ребенкомъ, съ нищенской сумою
Ходилъ казакъ,—и сиротою
Онъ въ наймахъ выросъ. Въ жены взялъ
Онъ тоже дѣвушку безъ рода,
Работницу. Но Богъ не далъ
Ему и здѣсь счастливой доли,—
И крестъ, и свѣтлая свобода,
Несчастье, счастье въ Божьей волѣ.
Не даромъ началъ засылать
Свои подарки панъ проклятый,—
Но ихъ не хочетъ вовсе брать,
Не хочетъ пана приласкать
Хозяйка бѣдной, скромной хаты.
Что дѣлать пану? Какъ тутъ быть?
Быть можетъ, мужа придавить
Неволей, тяжкою работой,
Убить страданьемъ и заботой,—
А тамъ, къ женѣ свободенъ путь,
Она забудетъ... И чуть-чуть
Все не сбылось, не стало такъ,
Какъ думалъ панъ. Въ конецъ казакъ
Мой разорился. Поневолѣ,
Для барщины бросая поле
Свое судьбѣ на произволъ,
Въ чужомъ работая, какъ волъ.
А вѣдь и онъ хозяинъ былъ,
И знаетъ только Богъ,
Какъ онъ жену свою любилъ.
И баловалъ, какъ могъ.
Захворалъ къ тому жъ бѣдняга,
Хоть разстанся съ хатой
Да иди опять батрачить...
Такъ-то панъ проклятый
Придавилъ. Жена какъ будто
Ничего не знаетъ
И въ саду въ монистѣ пестромъ
Весело гуляетъ.
И задумался сердечный
Надъ своей судьбою:
Убѣжать? Но какъ оставить

Мать одну съ женою.
Кто присмотритъ, кто накормитъ?
Старая, больная
Мать и встать уже не сможетъ,
Какъ же молодая
Будетъ жить жена. Что дѣлать?
Эхъ, ты «горе, горе»!
Вскинулъ онъ мѣшокъ за плечи
И ушелъ за море,
Тамъ помѣряться съ судьбою;
Если улыбнется,
Думалъ взять жену съ собою,
Мать пусть остается
Доживать. Вотъ такъ-то было!
Думалъ жить безъ горя,
А пришлось въ краю далекомъ
Слезы лить у моря.
Горько было силы тратить
На чужое поле,
Много горя видѣлъ бѣдный,
Но не видѣлъ доли.
На чужбинѣ скоро сердце
Отъ тоски остыло,—
Потянули душу снова
Милыя могилы,
Степь широкая, курганы,
Пелена сѣдая
Ковыля и садъ вишневый,
И семья родная.
Черезъ Днѣстръ, покинувъ волю,
Переплылъ... И снова
Передъ нимъ просторъ зеленый,
Поля ширь родного.
Вотъ оно какое поле,
Вотъ родное поле,—
Ширь кругомъ, просторъ безгранный,
Какъ мечта о волѣ...

Казакъ пришелъ домой въ ночи.
Тамъ мать стонала на печи,

Жена въ каморкѣ тихо спала
(Панъ нездоровъ былъ). Быстро встала,
Навстрѣчу мужу,—и впиалась
Въ него, какъ пьявка... Залилась
Она горячими слезами,—
Вѣдь такъ ужъ водится межъ нами,
Что ножъ на сердце наставляетъ
И самъ цѣлуется. Ожила
Жена отъ встрѣчи. Угощаетъ
Бдой диковинной. Взяла
Ее откуда—все равно.
Сама блѣдна, какъ полотно,
На грудь съ тоскою припадаетъ.

Приласкала, напоила,
Сытно накормила;
На постель въ своей каморкѣ
На ночь уложила.
И казакъ, дремля спокойно,
Самъ сквозь сонъ гадаетъ,
Какъ съ женой уйдетъ на волю,
Думаетъ, мечтаетъ.
А жена,—жена изъ хаты
Къ пану убѣжала,
О вернувшемся казакѣ
Все ему сказала.
И пришли холопы, взяли
Казака изъ дому,
Повели его бродягу
Бѣднаго къ приему.
Но судьба его жалѣла:
Служба не сгубила,
Старикомъ домой вернуться
Силъ ему хватило.
Люди мать похоронили,
А жена босая,
По жидамъ, панамъ слоняясь,
Мечется больная.
Онъ нашель ее и, старый,
Съ бѣлой головою,
Искалѣченныя руки

Поднялъ надъ собою,
И заплакавъ, какъ ребенокъ,
Все простилъ убогой,
Изуродованной жизнью
Злою и жестокой.

Такъ и вы прощайте, люди,
Всѣмъ врагамъ на свѣтѣ,—
Только гдѣ же слабымъ, грѣшнымъ
Силы взять намъ эти...

Ада Чумаченко.

1848.

Надъ Араломъ.

— о —

* * *

Я выросъ на чужбинѣ дальней
И сталъ сѣдѣть въ странѣ чужой,—
Но мнѣ сдается, въ цѣломъ мѣрѣ
Всего прекраснѣй Днѣпръ родной,
Нѣтъ краше славной Украины,
Моей родимой стороны.
Да, видно тамъ свѣтло, отрадно,
Гдѣ жить мы права лишены...
Въ одну тяжелую годину
Меня случайность привела
Проѣхать милой Украиной
Вблизи родимаго села,—
Того села, гдѣ пеленала
Меня родная и съ трудомъ
Гроши на свѣчку добывала
И Богу ставила; потомъ
Въ слезахъ Пречистую молила,
Чтобъ доля добрая любила
Ея птенца... Моя родная!
Счастлива ты, что умерла,—
А то бы Бога прокляла
За мой талантъ...

Мнѣ видѣть было тяжело
Мое забытое село.
Не видя ясныхъ, свѣтлыхъ дней,
Земли распаханной чернѣй
Блуждаютъ люди. Тамъ сады
Давно посохли, а пруды
Бурьяномъ, тиной заросли,
А хатки бѣлыя скривилсь,
Иныя вовсе развалились,—
Какъ будто всѣ здѣсь погорѣли,
И люди будто одурѣли:
На барщину они идутъ
И дѣтокъ за собой ведутъ.

И я, заплакавши, съ тоской
Поѣхалъ снова въ край чужой.

И не въ одномъ родномъ селѣ,—
По всей родимой сторонѣ
Людей, какъ скотъ, въ ярмо впрягаютъ
Паны. И гибнуть, пропадаютъ
Въ неволѣ рыцарей сыны!
Паны жъ въ закладъ жидамъ относятъ
Свои послѣдніе штаны...

Кругомъ все погань! Тяжко, тяжело
Въ краю пустынномъ пропадать;
Но тяжелѣй на Украинѣ
Смотрѣть, и плакать, и молчать...
А какъ не видишь того лиха,—
Сдается—все такъ любо, тихо,
Свѣтло въ Украинѣ дорогой:
Межъ горъ сіяетъ Днѣпръ родной,—
Могучъ, какъ витязъ молодой,

Красуется, любитъ
На всю Украину онъ;
Деревнями и селами,
Полями окружень,
А въ селахъ люди вольные—
Веселые, довольные

Живутъ, какъ никогда,
Оно бы такъ и сталося,
Когда бы не осталось
Здѣсь панскаго слѣда...

1848
Надъ Араломъ.

Е. Нечаевъ.

* * *

Ужъ какъ я ли муженька
Въ дорогу послала;
Отъ шинка да до шинка
Тропинку топтала.
Да къ кумѣ я заходила
Хлѣба взаймы взяти,—
Накормить дѣтей голодныхъ
Въ нетопленной хатѣ.
Накормивши дѣтокъ малыхъ,
Я ихъ спать поклала,
А сама пошла къ сосѣду,
Тамъ заночевала.
А изъ Крыма муженекъ
Еле ноги приволокъ:
Возы поломались,
Волю притомились,
Лишь съ кнутами чумаченьки
Къ дому воротились.
Мужъ, едва вошедши въ хату,
Ударилъ объ полы:
По-за печкой жмутся дѣти—
Голодны и голы.
«Гдѣ же, дѣти, ваша матка?»
Бѣдный, знать желаетъ.
«Тятя! тятя! наша матка
Все въ шинкѣ гуляетъ».

1848
Надъ Араломъ.

И. Бѣлоусовъ.

* * *

Пойду, выйду на улицу,
Сяду возлѣ хаты,
Посмотрю я, какъ заводятъ
Хороводъ дивчаты.
Безъ моей голубки милой
Пѣсни не поются,
Безъ нея и въ хороводѣ
Игры не даются.
Знать свекровь мою голубку
Выйти не пускаетъ,
И сидитъ она, тоскуя,
Меня поджидаетъ.

И. Бѣлоусовъ.

1848

Надъ Араломъ.

— о —

* * *

Туманъ, туманъ пеленою,—
Хорошо мнѣ жить съ роднею,
Еще лучше за горою
Съ подругою молодою.

Темнымъ лѣсомъ я пойду ли,
Тамъ подругу не найду ли?
Гдѣ ты? Гдѣ ты?—Отзывайся,
Да ко мнѣ ты приласкайся!

Будемъ часто мы встрѣчаться,
А потомъ пойдемъ вѣнчаться,—
Чтобъ про то не знала мать,
Гдѣ мы будемъ ночевать!

Мы слюбились, повѣнчались,
Дай Богъ вовсе бы не знались.
Лучше бъ жить мнѣ сиротою,
Чѣмъ страдать весь вѣкъ съ тобою!

И. Бѣлоусовъ.

1848

Надъ Араломъ.

— о —

* * *

Во лѣсочекъ я ходила
По орѣхи;
Тамъ мельника полюбила
Для потѣхи.
Мельникъ мелетъ, подсѣваетъ,
Меня крѣпко обнимаетъ,—
Для потѣхи!

За трибами во лѣсочекъ
Шла я снова,
Тамъ портного полюбила
Молодого.

Онъ шубейку зашиваетъ,
Меня крѣпко обнимаетъ,—
Я ни слова!

Въ лѣсъ за хворостомъ ходила
Молодая,
Тамъ бондаря полюбила
Я, родная.
Бондарь ведра набиваетъ,
Меня крѣпко обнимаетъ
Онъ, лаская!

А коль хочешь вѣрно знать,
Моя мать,
Кого тебѣ прежде всѣхъ
Зятемъ звать,—
Всѣ на праздникъ придутъ сами,
Назовемъ ихъ всѣхъ зятьями,
Будемъ угощать!..

1848

Надъ Араломъ.

И. Бѣлоусовъ.

— о —

* * *

Если бъ бусы мать дала,
На базаръ бы я пошла;
Много тамъ людей гуляетъ,
Громко музыка играетъ.
Наши дѣвицы съ парнями
Ходятъ парами, рядами.
Одинока я.

Пойду Богу помолюся,
Да и внаймы я наймуся,—
Буду денежки копить,
Чтобъ нарядъ себѣ купить.
Будетъ музыка играть,
А я буду танцовать.
Доля ты моя,—

Не дай Богъ мнѣ свѣковать,
Русу косу заплетать,
Брови дома износить,
Одинокой вѣкъ прожить!
Пока деньги накоплю я,—
Черны брови изношу я.
Охъ, несчастна я!..

И. Бѣлоусовъ.

1848
Надъ Араломъ.

— о —

* * *

«Не хочу искать жены я,
Не хочу жениться,
По-за печкою съ дѣтьми я
Не хочу возиться.
Плугомъ борозды вздымать я
Не хочу, родная;
Даромъ бархатныя платья
Во полѣ таская.

А пойду я, повидаюсь
Съ Сѣчью—вѣрнымъ другомъ;
Тамъ я съ саблей повѣнчаюсь
Да съ Великимъ Лугомъ.
Буду въ Сѣчи на Хортицѣ
Жить да поживать я,
Медъ, вино пить, да рядиться
Въ бархатныя платья!»

И пошелъ казакъ, мечтая
Взять фортуна съ бою,
Мать-старуху покидая
Дома сиротою.
Въ воскресенье вспоминаетъ
Мать, сядя съ обѣдать:
«Гдѣ-то сынъ теперь блуждаетъ...
Кто бы могъ повѣдать?..»

Вотъ прошло четыре года,
Пять прошло,—вернулся
Запорожецъ изъ похода,—
Станъ его согнулся.
На войнѣ онъ искалѣченъ,
Платьемъ обносился...
Вотъ какъ Сѣчью былъ онъ встрѣченъ,
Вотъ чего добился!
Скучно въ хатѣ опустѣлой;
Горемъ подѣлиться
Не съ кѣмъ... То ли было бъ дѣло
Молодымъ жениться!
Было время и уплыло,
Жизнь морозомъ вѣетъ,
Сердце старое остыло...
Кто его согрѣетъ?
Кто для печи дровъ наноситъ?
Кто калѣку встрѣтитъ?
И когда онъ пить попроситъ,
Кто ему отвѣтитъ?..

Н. Н. Новичъ.

1848
Надъ Араломъ.

— о —

* * *

Тучу бѣлую закрыла
Туча грозовая;
И татаръ и турокъ съ моря
Рать идетъ большая.
Изъ Полѣсья шляхта лѣзетъ,
Гетманъ же «поповичъ»
Съ береговъ идетъ Днѣпровскихъ—
Глупый Самойловичъ
Съ Ромодановскимъ. Какъ галки,
По всей Украинѣ
Разлетѣлись—и клюютъ все;
А ты, Чигирине,
А ты, славный запорожецъ,
Дорошенко старый,
Заболѣлъ ли, иль боишься
Съ удалью бывалой
На врага встать?

—«Не боюся,—

Родины лишь только
Жалко мнѣ!» и какъ ребенокъ
Онъ заплакалъ горько:

«Не разсѣмъ вражью силу,
Какъ въ былые годы!
Отберите жъ отъ меня вы
Гетмана клейноды.
Отнесите вы въ Москву ихъ,—
Пусть клейноды эти
Скажутъ всѣмъ, что Дорошенка
Нѣтъ въ живыхъ на свѣтѣ.
Самъ же, братцы-запорожцы,
Я надѣну рясу
И пойду я бить поклоны
Въ Межигорье къ Спасу»...

Рано, рано звонъ раздался,
Пушки грохотали,

Какъ двѣ лавы,—заднѣпровцы
Съ москалями встали
На семь верстъ въ длину,—межъ ними
Понесли клейноды.
Пить тебѣ, Петру, довольно
Изъ Тясмина воду.
Самойловичу клейноды
Въ ноги положили;
Дорошенка жъ въ Межигорье
Къ Спасу не пустили.
Не пустили Дорошенка—
И въ рясу узнали,
И въ оковы заковали,
Въ Сосницу сослали;
А оттуда въ Ярополець,
Чтобы вѣкъ безславный
Доживалъ тамъ. Вотъ какъ кончилъ
Запорожецъ славный...

Освѣтило ярко солнце
Чигиринъ нашъ старый,
И пошли въ свои улусы
Съ турками татары.
Поляки съ своимъ Чарнецкимъ,
Съ поганымъ Степаномъ
Запалили церковь Божью
И кости Богдана.
Тимошевы въ Субботовѣ
Тожъ огню предали.
Все покончили и въ Польшу
Собираться стали...
Москали съ Ромодановскимъ
Въ воскресенье рано
Потянулись съ поповичемъ
«Шляхомъ Ромодана».
Какъ запуганный, безкрылый
Тотъ орелъ безъ воли,
Занедужилъ Дорошенко,
Сидючи въ неволѣ,
Да и умеръ. Такъ оковы

Его доканали.
И въ Украинѣ позабыли,
Славнымъ кого звали.

Только ты, святой Ростовскій,
Вѣрнымъ лишь остался,
Вспомнилъ друга и часовню
Тамъ, гдѣ онъ скончался,
Повелѣлъ соорудить ты,
Чтобы не забыли;—
По гетманѣ панихиду
По Петру служили...
И до сихъ поръ память чтится,—
Люди вспоминають
Дорошенка—панихиды
Каждый годъ справляютъ
Въ Яропольцѣ.

И. Бьлоусовъ.

1848

Надъ Араломъ.

Титаривна.

Давно оно произошло—
Въ тѣ дни, когда въ глуши бродили
Борцы ¹⁾ и дѣвушекъ дурили,—
Глумясь надъ міромъ, парней били,
Собой ввергая въ страхъ село,—
Вотъ, какъ гусары на постоѣ...
Во время гетмановъ святое
Все это встарь произошло.

Въ воскресеніе въ селѣ
У трактира на столѣ
Сидѣли лирники, играли
И по грошу за танецъ брали.

¹⁾ См. примѣчаніе.

Пыль, какъ дымъ, клубясь, носилась...
И безпечно веселилась
Молодежь...

—«Конечъ ужъ? Эй!

Жарь, братъ, снова! Не жалѣй!»
Снова звуки страстно льются...
Снова парни и дѣвицы
Въ вихрѣ танца, словно птицы,
Присѣдаютъ и несутся.

Изъ парней краше всѣхъ—Никита.
На немъ—въ нашивкахъ яркихъ свита
Онъ краше всѣхъ; но бѣденъ онъ...
Притомъ—внѣ брака онъ рожденъ.
И чуждъ онъ всѣмъ; ему всѣ чужды,
Но для него въ томъ мало нужды...
Стоитъ, какъ дубъ могучій, онъ,
Плечами крышу подпирая,
И смотритъ, смотритъ, замирая,
На Титаривну...

Та—въ цвѣтахъ.

Она всѣхъ дѣвушекъ пригоже.
Какой огонь въ ея глазахъ!
Она, какъ онъ, въ смущеніи тоже.
Глядитъ она и не глядитъ.
Вотъ взоръ ея скользнулъ къ Никитѣ...
Онъ видитъ это и горитъ,—
Горитъ Никита въ сѣрой свитѣ.

Мѣдный грошъ онъ вынимаетъ
И на этотъ грошъ послѣдній
Музыкантовъ нанимаетъ
И красотку Титаривну

Приглашаетъ.

Та въ отвѣтъ: «Отстань, бродяга!»

И захохотала:

«Ты пойдѣ—проси батрачекъ.

Здѣсь, вѣдь, ихъ немало!»

И смѣялась Титаривна

Долго надъ Никитой,

Надъ его позорнымъ прошлымъ

И надъ сѣрой свитой.
Охъ, не смѣйся, Титаривна!
Ты заплатишь Богу
За обиду!..

Что жъ съ Никитой?
Нѣтъ его. Въ дорогу
Онъ ушелъ, бѣднякъ... Съ поры той
Нѣтъ о немъ ни звука.
Но съ тѣхъ поръ для Титаривны
Всюду мракъ да скука.

Домой заплаканной пришла
Она въ тотъ день... И спать легла
Въ слезахъ... Всю ночь она страдала.
Въ тоскѣ легла, въ тоскѣ и встала.
Не веселъ день. Какъ грудь горитъ!
Душа въ смятении... А Никита—
Все передъ ней,—и онъ, и свита.
Какъ призракъ, онъ предъ ней стоитъ
И смотритъ грустно, смотритъ страстно...
О, Титаривна! Ты напрасно
Его обидѣла, и жаль
Теперь тебѣ его... Печаль
Стыдомъ всю душу истомила—
И ты заплакала... О чемъ?
О томъ, что страстно полюбила,
Что счастье все твое лишь въ немъ.

Диво дивное на свѣтѣ
Съ сердцемъ дѣвушки бываетъ.
Нынче—холодно, какъ камень,
Завтра, глянь,—огнемъ пылаетъ.
А полюбить,—обойдетъ весь
Миръ съ душой открытой...
Загрустила Титаривна.
Жить ли, быть убитой,—
Все равно ей... Рада въ воду,
Лишь бы быть съ Никитой!

Такъ смѣяться—грѣхъ, дѣвицы!
Большой, неизбывный!

Не случилось бы и съ вами
То, что съ Титаривной.

Она, какъ стебель, высыхала...
Грустилъ отецъ, и мать вздыхала...
И въ Кіевъ дочку повезли...
Тамъ исцѣленія молили,
Святыми травами поили,
Да все не впрокъ,—не помогли.

Стоялъ въ степи курганъ-могила...
Она тропинку проторила
Къ нему и тамъ, что день, грустила.
Полца и горя, и тревоги,
Глядѣла вдаль, на пыль дороги...
Все хуже ей. Не въ силахъ встать.
Лежитъ,—и ноги ужъ не ходятъ.
Тропинка стала зарастать...
Вотъ шутки до чего доводятъ!

А Никита словно канулъ
Въ воду. Ни привѣта,
Ни вѣстей...

Такъ, годъ за годомъ,
Протекло три лѣта.

На четвертый годъ—въ селѣ
У трактира, на столѣ
Сидѣли лирники, играли
И по грошу за танецъ брали.

И танецъ тотъ же, что въ тотъ разъ...
И такъ же дѣвушки плясали,
И мелко танецъ отбивали,
Сверкая блескомъ юныхъ глазъ,
Какъ и тогда...

Какъ вдругъ въ жупанѣ—
Въ нарядномъ праздничномъ кафтанѣ,
И въ синей шапкѣ, и, какъ жаръ,
Сукно у красныхъ шароваръ,—

Влетаетъ вдругъ въ толпу казакъ
И подъ плясъ, поетъ вотъ такъ:

И спасибо батюшкѣ,
И спасибо матушкѣ,
Что мнѣ жизнь добыли.
А какъ жизнь мнѣ добывали,—
Рождь безъ счету рассыпали
Ночью на печи.

—Эй, водки! Меду!.. Миръ мнѣ надо!
Гдѣ сотскій?... Биться челядь рада?
Ну, что жъ... Эй, хлопцы, трусы,—вы,
Кому не жалко головы,—
Вотъ я, борецъ!..

Не мало дней
Прошло съ тѣхъ поръ, но для селенья,
Какъ отъ напасти злой спасенье,
Одно заботой—угожденье
Борцу...

А онъ, что день, смѣлѣй...
Какъ баринъ, все перебираетъ,—
То то, то это осуждаетъ...
Богъ вѣсть откуда принесло
Такую язву... Все село,
Какъ ублажить его,—не знаетъ.
Онъ, знай, пируетъ, водку пьетъ,
Да пѣсни дѣвушкамъ поетъ...
Онъ парнямъ горе лишь несетъ,
Дѣвицы жъ радостью объаты...
Твердятъ, съ ума сойдя совсѣмъ:
«Ахъ, онъ и добрый, и богатый!»

Ужъ не борется ни съ кѣмъ,
А безъ дѣла, знай, гуляетъ
И, чуть вечеръ, къ Титаривнѣ
Въ садикъ учащаетъ.

И она его встрѣчаетъ,
И твердитъ и напѣваетъ:

—«А не тотъ ли ты Никита,
У кого—въ нашивкахъ свита?»

Тотъ онъ, тотъ, кому сурово,
Помнишь, молвила ты слово.
А теперь сама къ нему ты
Въ садъ покорно ходишь
И съ него, надъ кѣмъ смѣялась,
Знай, очей не сводишь.
И не день, не два къ нему ты
Въ темный садъ ходила;
И не день, не два съ него ты
Взоровъ не сводила.
Угождала Титаривна
Безъ конца, безъ края...
Доигралась...

Промелькнули
Блескъ и солнце мая.
Вотъ лѣто, осень миновали...
Какъ быстро мѣсяцы мелькали!
И вотъ—девятый настаетъ.
И горе, горе онъ несетъ!

.....
Тамъ, за садомъ, у оврага
Между вербъ—криница...
Къ ней частенько въ темный вечеръ
Не воды напитокъ
Тайно ходитъ Титаривна,—
Ходитъ позабыться;
Ходитъ плакать да подумать...
Чуетъ—скоро, скоро!
Ахъ, куда бѣжать тогда ей,
Скрыться отъ позора?

Вотъ, однажды поздней ночью,
Страхъ вся и кручина,
Босикомъ несетъ бѣдняжка
Подъ полою сына.
Подошла... То глянетъ въ воду,
То вдругъ отступаетъ.

А въ кустахъ—злѣдѣй Никита...
Смотритъ, наблюдаетъ.

Положила Титаривна
Сына подлѣ сруба,—
И бѣжать въ село... Никита жъ
Хватъ его—и грубо,
Какъ щенка, швырнулъ въ колодезь...
Бросилъ онъ ребенка—
И пошелъ назадъ въ деревню,
Распѣвая звонко.

А въ селѣ зоветъ онъ стражу...
Онъ кричитъ: «Вставайте!
Тамъ, въ криницѣ—тамъ ребенокъ...
Если живъ,—спасайте!»

Ранымъ-рано въ воскресенье
Подымалось все селенье,
И криницу выливали,
Все дитя искали.

Охъ, нашли малютку-сына,
Тамъ, гдѣ водоросль, гдѣ тина!
Взяли мать-убійцу, взяли,
И въ оковы заковали.
Исповѣдавъ, причастили...
Мать, отца ея стыдили...
Цѣлымъ міромъ осудили,
Въ гробъ съ ребенкомъ положили—
Сына съ матерью живою—
И засыпали землею...
Вбили столбъ надъ ней высокій,
Чтобы ближній и далекій,
Чтобъ про то всѣ люди знали,
И чтобъ дѣтокъ наставляли...
Чтобъ отъ этой страшной были
Дѣвушки разумнѣй были!

Исчезъ Никита изъ селенья,
Давно исчезъ онъ... Но жива

Въ преданьяхъ, въ пѣсняхъ населенья
И до сихъ поръ о немъ молва.
А тѣ, кто Польшу посѣщали,
Не разъ тамъ странника встрѣчали.
И онъ вопросъ имъ задавалъ:
«Что Титаривнѣ... какъ живется?
Все такъ же ль зло она смѣется?»

То былъ Никита... Покаралъ
Его Господь не краткимъ вѣкомъ,
Не смертью... Нѣтъ, онъ будетъ жить
И сатаною-человѣкомъ
Онъ будетъ по свѣту бродить,
И васъ,—васъ, дѣвушекъ, дурить
Во вѣки!

1848.
Косъ-Аралъ.

Павелъ Тулубъ.

— о —

Мать-покрытка ¹⁾.

Жизнь часто рай... Но что милѣе,
Что краше въ жизни и святѣе,
Какъ мать съ тепломъ любви въ глазахъ,
Съ ребенкомъ-крошкой на рукахъ?..
Гляжу я на нее порою,
Даюся диву,—и печаль
Вдругъ хлынетъ въ сердце... Станетъ жаль,
Такъ жаль ея. И я съ тоскою,
Тревогой смутною томимъ,
Склонюсь предъ нею головою,
Какъ передъ образомъ святымъ

¹⁾ Мать-дѣвушка, которая послѣ рожденія ребенка должна была „покрыть“ голову бабьимъ очинкомъ.

Той Матери, что въ міръ нашъ грѣшный,
Какъ солнца лучъ во мракъ кромѣшный,
Живого Бога принесла...
Какъ жизнь ея теперь свѣтла!
Она встаетъ въ молчаньи ночи
И, устремивъ къ ребенку очи,
Его, какъ счастье, бережетъ,—
Не спитъ и только солнца ждетъ,
Чтобъ взоромъ, полнымъ теплой ласки,
Опять глядѣть въ родные глазки,
Болтать съ нимъ, думать: «Ты мое,
Мое!»... Молиться на него
И за него молиться Богу!..
Идетъ ли улицей она,—
Душа въ ней гордостью полна.
Забывъ и горе и тревогу,
Она царицею глядитъ
И словно людямъ говоритъ:
«О, все село пройдите наше,
Весь міръ,—но мальчикъ мой всѣхъ краше!»
А если кто-либо порой
Посмотритъ на дитя,—какой
Восторгъ въ душѣ ея!—Сияя,
Счастливая, идетъ домой,
Неся малютку, и ей мнится,
Село глядитъ—не наглядится.
Онъ въ радость всѣмъ; а безъ него
Нѣтъ въ ихъ деревнѣ ничего.
Счастливая!..

Но дни мелькаютъ.
Неслышно дѣти подрастаютъ;
Ихъ, словно травку, гонитъ ввысь.
И выросли—и разошлись
На заработки да въ солдаты.
Отъ грезъ, отъ счастья твоего
Ужъ не осталось ничего.
Одна ты средь печальной хаты
Глядишь тоскливо въ темноту;
Старушкѣ нечѣмъ наготу
Прикрыть—ей не во что одѣться,

Нѣтъ дровъ, чтобъ въ холодъ обогрѣться,
И будь они,—гдѣ силъ найти
Огонь бѣднягѣ развести?
Лежитъ одна и еле-еле
Молитву шепчетъ на постели
Все за дѣтей... за нихъ...

А ты,
Дитя и мукъ, и нищеты,
Ты пробираешься средь дола,
Въ стыдѣ минуя робко села
И полемъ-степью идучи,
Ты плачешь горестно въ ночи.
И днемъ и ночью то кручина,
То стыдъ тебя бросаютъ въ жаръ,
Шебечутъ птицы: «Вишь ты, сына
Несетъ покрывка на базаръ!..»

Гдѣ жъ краса твоя, что прежде
Ярко расцвѣтала?
Ею люди любовались.
Нѣтъ ея—пропала!
Отнялъ все,—все взялъ ребенокъ!
Выгналъ изъ-подъ крова,—
И пошла ты сжатой степью,
Не сказавъ ни слова.
Какъ зараза всѣмъ страшна ты...
А дитя родное,
Ни сказать, ни встать не въ силахъ;
Вѣдь оно—грудное.
Будетъ день, и скажетъ сынъ твой
Съ лаской, не сурово,—
Скажетъ: «мама». О, святое,
Золотое слово!
Вспыхнешь вся ты и расскажешь,
Всю расскажешь повѣсть,
Какъ паничъ забылъ, лукавый,
Бога, стыдъ и совѣсть.
Не надолго будетъ счастье;
Дѣтство скоро минетъ,
Подрастетъ твой сынъ, твой Ваня,

И тебя покинетъ,
 Упрекнетъ тебя, быть можетъ,
 Что на свѣтъ родился,
 Что его ты такъ любила,
 Что онъ вѣкъ томился.
 Ты жъ его любить вѣкъ будешь,
 Будешь плакать горько,
 И межъ псами на морозѣ
 Сгинешь средь задворка.

Оттого-то жаль, жаль тяжко
 Матери несчастной:
 Мать дитя, какъ счастье, любить,
 Всей душою страстной;
 И за жизнь его готова
 Вѣкъ терпѣть невзгоды
 И отдасть ребенку въ жертву
 Молодые годы.
 И погубить, не жалѣя,
 Жизнь въ трудѣ бесплодномъ;
 А дитя... Дитя, быть можетъ,
 Вырастетъ негоднымъ.
 И для матери вѣкъ цѣлый
 Лишь служба помѣхой,
 Для души ея не будетъ
 Никогда утѣхой.
 Хорошо жить только барамъ:
 Баре бѣдъ не знаютъ,
 И не знаютъ, какъ ихъ дѣти
 Въ домѣ вырастаютъ:
 вмѣсто матери вѣдь нянекъ
 Баре нанимаютъ...

Павелъ Тудубъ.

1849
 Косъ-Араль.

* * *

Считаю дни, считаю ночи,
 И счетъ забываю.
 Боже, до чего въ неволѣ
 Тяжко я страдаю!
 Годы идутъ за годами,—
 Проплываютъ тихо;
 Забираютъ все съ собою—
 И добро и лихо.
 Забираютъ, исчезаютъ
 Въ невозвратной дали...
 Не моли вернуть,—молитвы бѣ
 Даромъ прозвучали.

Въ болотахъ топкихъ да въ бурьянѣ
 Три года грустно протекли;
 Изъ хаты многое забрали,
 Украдкой въ море отнесли,
 Украдкой схоронило море
 Мое—не злато-серебро,—
 Мои лѣта, мое добро,
 Мою тоску, мои печали,—
 Все, что въ незримыя сжижали
 Внесло незримое перо...

Годъ четвертый на исходѣ,
 Какъ живу, страдаю,
 И четвертую въ неволѣ
 Книжечку кончаю;
 Расписалъ я въ ней узоры
 Кровью да слезами;
 Мое горе на чужбинѣ
 Вылилъ,—но словами
 Разсказать кому, не знаю,—
 Здѣсь людей не много,
 Нѣтъ кругомъ людей и даже
 Не найдешь и Бога!

Не съ кѣмъ слова перемолвить,
Степь кругомъ нѣмая.
Жить не хочется на свѣтѣ,
А живешь, страдая!
Для чего жъ живу на свѣтѣ?
Не сгубить бы душу?
Жить для этого не стану—
И умру—не струшу.
Нѣтъ, затѣмъ живу я въ мукахъ
И ношу оковы,
Что, быть можетъ, Украину
Я увижу снова;
Можетъ быть, я подѣлюсь
Думами-слезами
И съ дубровою зеленой,
Съ темными лугами.
У меня родныхъ ужъ нѣту
По всей Украинѣ,—
Все же тамъ другіе люди,
Чѣмъ здѣсь на чужбинѣ.
Надъ Днѣпромъ я погулять бы,
Да въ веселыхъ селахъ
Выливалъ бы свои думы
Въ пѣсняхъ невеселыхъ.
Дай дожить, дай насмотрѣться,
Боже Ты мой милый,
На поля мои родныя
Да на тѣ могилы!
А не дашь, то передай хоть
Милой Украинѣ
Мои слезы. За нее я
Сгибну на чужбинѣ.
Все жъ лежать мнѣ легче будетъ
Одному въ неволѣ,
Если кто меня вспомнеть
На родимомъ полѣ.
Сдѣлай такъ, иль хоть надежду
Дай душѣ унылой.
Ничего не въ силахъ сдѣлать
Я, мой Боже милый!

Замираетъ сердце,—только,
Вспомню я съ тоскою,
Что въ неволѣ, на чужбинѣ
Я глаза закрою,
Что со мною мои думы
Въ землю закопають
И про нихъ на Украинѣ
Люди не узнають...

Но думы, можетъ быть, съ годами,
Омыты горькими слезами,
На Украину попадутъ,
Росою на землю падутъ,
И сердце чье-нибудь живое
Омоютъ тихою слезой;
Оно со мною затоскуетъ,
Заплачетъ, бѣдное, со мной
И, можетъ быть, въ молитвѣ тихой
Меня помянетъ, Боже мой!..

И пусть же будетъ то, что будетъ.
Не перестану я писать,
Хотя бъ за это присудили
Меня распятію предать.

И. Бѣлоусовъ.

1850.
Оренбургъ.

— o —

* * *

Самъ не знаю, но и вправду
Люди, кажется, не мрутъ,
А, въ свиней переселившись
Иль въ иную тварь, живутъ,

Окунаясь такъ же въ лужу,
 Какъ и раньше въ мерзкій грѣхъ.
 Можетъ, правда. Мнѣ не нужно
 Знать судьбу несчастныхъ всѣхъ.
 Ужъ они забыты Богомъ,—
 Такъ зачѣмъ соваться-лѣзть!
 А другіе? Иль на сало
 Хамъ ихъ кормить, чтобы съѣсть?
 Можетъ, такъ. Добра не мало
 Натворить имъ удалось:
 Лили кровь они морями,
 Разливали рѣки слезъ.
 Люди знаютъ, кто имъ дорогъ...
 Что же, развѣ кровью свѣтъ
 Для себя они залили,
 Изъ-за славы? Нѣтъ же, нѣтъ.
 Ради насъ, сердечныхъ, только
 Жгли нещадно, ради насъ!
 Если бъ въ хлѣбъ не угодили,
 Ихъ свинарь теперь бы пасъ.
 Будьте прокляты! Гдѣ жъ слава?
 Гдѣ богатство?—На словахъ!
 Гдѣ же золото, палаты?
 Власть великая?—Въ гробахъ,
 Разукрашенныхъ такими жъ
 Палачами, какъ и вы.
 Жили вы звѣрями прежде,
 Нынѣ въ свиней перешли...
 Гдѣ же ты, пророкъ-страдалецъ,
 Божьимъ пламенемъ горишь?
 Присносущный, ты надъ нами
 Свѣтлымъ ангеломъ паришь...
 Ты, другъ милый, тихо, кротко
 Говоришь намъ о любви,
 О страданіяхъ, о Богѣ,
 О людской святой крови,
 Зря пролитой палачами.
 Отъ твоихъ горячихъ слезъ
 Всѣ мы плачемъ. Духъ поэта,
 Духъ священный насъ вознесъ

Надъ землею,—и рѣчь живая
 Намъ о Богѣ говорить.
 Другъ мой, бѣдный другъ,—спасибо!
 Передъ Господомъ горить,
 Какъ свѣча, тепло и ярко
 Лепта та, что роздалъ ты:
 Ты прислалъ ко мнѣ въ неволю,
 Будто вѣнныя цвѣты,
 Книгу нашего поэта,—
 И на возѣ снова я!
 Другъ, спасибо! Съ нею, знаю,
 Оживетъ душа моя.
 Лишь прочту живыя строки,
 Вновь надежду призову:
 Тихо стану пѣть и Бога
 Снова Богомъ назову.

А. К—скій.

1850.
 Оренбургъ.

— о —

* * *

Когда бъ вы знали, господа,
 Какъ у людей царить бѣда,
 То вы бъ элегій не творили,
 Напрасно бъ Бога не хвалили,
 На наши слезы смѣючись...
 За что, не знаю, называютъ
 Въ лѣсу шалашъ иль хату раемъ?
 Я въ хатѣ мучился и росъ,—
 Тамъ много слезъ пролить пришлось,
 Тѣхъ первыхъ слезъ.—И я не знаю,
 Иль есть еще у Бога зло,

Чтобъ въ этой хатѣ не жило?
А хату раемъ называютъ!

Я такъ ее не назову;
Никакъ я рая не найду
Въ той бѣдной хатѣ у пруда,
Гдѣ я родился. Повила
Меня родная; повивая
И въ пѣснѣ горе изливая,
Въ меня влила тоску свою.
И въ этой хатѣ, въ томъ раю,
Я видѣлъ адъ: нужда, неволя,
Работа тяжкая, недоля
И помолиться не даютъ.
Тамъ мать родимую мою
Взяла безвременно могила,—
Нужда съ работой уложила...
Съ малютками остался съ нами
Отецъ нашъ, бѣдный человѣкъ;
Не вынесъ онъ тяжелой доли,—
На барщинѣ свой кончилъ вѣкъ.
Мы разползлись, какъ мышенята,
Пустой осталась наша хата.
Я въ школу отданъ былъ и тамъ
Носилъ я воду школярамъ.
А братья барщину справляли,
Пока въ солдаты ихъ не сдали.
А сестры, сестры! Молодые
Мои голубки!.. Горе вамъ!
Какой надеждой вы живете?
Росли вы по чужимъ дворамъ,
Въ работницахъ, то здѣсь, то тамъ,
Состарѣвшись, такъ и умрете.
И страшно мнѣ, какъ только вспомню
Я нашу хатку, край села...
Такъ вотъ, Господь Ты нашъ, какія
Творимъ мы здѣсь, въ раю, дѣла!
Здѣсь на землѣ Твоей святой
Въ адъ превратили рай земной!
Теперь небеснаго желаемъ.

А сами съ братьями живемъ,
И поле братьями оремъ
И ихъ слезами поливаемъ,
Еще, быть можетъ, что... Не знаю...

..... А тамъ
Лѣсокъ на горкѣ зеленѣетъ,
А изъ-за лѣса чуть виднѣетъ
Прудокъ, бѣгуща полотномъ,
И вербы тихо надъ прудомъ
Склонили вѣтви,—рай кругомъ!
А хорошенько посмотри,
Что тамъ творится,—тамъ, внутри?..

.....
Увы, я ничему живому
Хвалы не буду воздавать,
А съ кровью сердца и съ слезами
Хулу я буду изливать.
Хула всему! Кругомъ найдется ль
Хоть пядь одна святой земли?
Сдается мнѣ, и все святое
Давно ужъ люди проклинали!..

И. Бьлоусовъ.

1850.
Оренбургъ.

— о —
* * *

Бываетъ, въ неволѣ порой вспоминаю
Я прошлое время; ищу—и не знаю,
Чѣмъ вспомнить бывшее, что я-таки жилъ,
Что я-таки Бога когда-то хвалилъ!
Ищу, все ищу я, о, Боже мой милый,
И хочется вспомнить, что дорого, мило;
Встрѣчаю же только лишь погань и грязь.

И такъ вотъ, однажды, уснулъ, не молясь,
И сонъ мнѣ въ то время приснился такой.
(Извѣстно, коль легъ и уснулъ ты свиньей—
И сонъ такой видишь): ребенокъ безпечный,
Ягнятокъ пасу я въ степи безконечной
У края разрытой могилы; казакъ
Выходитъ, гляжу, изъ могилы; бѣднякъ,
Уже поспѣвшій въ ея глубинѣ,
И держитъ свой путь изъ могилы ко мнѣ.
Я слова сказать отъ испуга не могъ,
Свернулся я, словно подъ тыномъ щенокъ.
Казакъ меня за руку тихо беретъ
И прямо въ могилу съ собою ведетъ,
И черная, страшная эта могила
Широко предъ нами объятъя раскрыла.
Гляжу я: въ могилѣ лежатъ казаки—
Одинъ безголовый, другой безъ руки;
Иные безъ ногъ по колѣна лежатъ,—
Какъ въ теплой избушкѣ спокойно всѣ спятъ.
«Смотри же, дитя,—это все казаки!
Могилъ такихъ много въ Украинѣ стоитъ
И много въ нихъ труповъ казацкихъ лежить,
Какъ будто спеленатыхъ... Старшихъ тутъ нѣтъ;
Мы всѣ одинаково жили на волѣ,
За волю мы всѣ полегли въ чистомъ полѣ
И всѣ мы проснемся,—но кто дастъ отвѣтъ,
Когда это будетъ? Смотри же, мой свѣтъ,
Смотри хорошенько, а я расскажу,
За что Украина подавлена силой,
За что я межъ ними въ могилѣ лежу.
Ты людямъ расскажешь, какъ вырастешь, милый,
Такъ слушай же, слушай»...

И снова ягнята
Приснились во ржи мнѣ. Бурмистръ прибѣжалъ
И началъ меня колотить, какъ проклятый;
Чужой армячишко мой съ плечъ онъ сдиралъ;
Мнѣ все еще больно... А какъ вспоминаю
Казака въ могилѣ,—до сихъ поръ не знаю,
То было ли въявь иль призракъ? Казакъ
Рассказъ свой мнѣ передать такъ:

«Не знаю, какъ теперь живетъ
Полякъ съ своимъ свободнымъ братомъ,
А мы браталися съ полякомъ,
Покамѣстъ третій Сигизмундъ
Съ проклятыми его ксендзами
Насъ не разрознили. Вотъ такъ
Стряслася та бѣда надъ нами.

Во имя Господа Христа
И Матери Его Святой
Поляки поднялись войной;
Святѣя Божія мѣста
Ксендзы прокляты осквернили;
Земля казачья занялась
И кровью, сынъ мой, облилась,
И за могилою могила,
Какъ будто горы, поросли
По лику родины-земли...

Я жилъ на хуторѣ...

Я старъ былъ, немощенъ. Послалъ
Табунъ коней я для обоза,
Снарядовъ съ пушкою два воза,
Пшена, пшеницы,—что набралъ,
И всѣ пожитки я отдалъ
Моей родимой Украинѣ—
И трехъ сыновъ своихъ. Пускай,
Я думалъ, грѣшный передъ Богомъ,
И отъ меня, хотя немного,
Пойдетъ за нашъ родимый край,
За церковь Божью, за народъ;
А я молиться въ хатѣ буду,
Коль не имѣю силы встать
И руку на врага поднять.
Такъ слушай,—насъ въ дому осталось:
Данило—вѣрный другъ, да я,
Да Фрося—доченька моя;
Она лишь только поднималась
И только-только наливалась,

Какъ та черешенька. За грѣхъ,
За тяжкій, можетъ, грѣхъ великій,
Не допустилъ Святой Владыко
Нарадоваться до конца
Мнѣ дочкой милой...

Не ходили
Ксендзы по селамъ, а возили
Ихъ люди изъ села въ село.
Такъ вотъ какъ было! Разъ проклятыхъ
Ко мнѣ ихъ ночью занесло;
А съ ними бѣшенная челядь
Съ драгунами... О, дай же мнѣ
Когда-нибудь, мой Боже милый,
На свѣтъ Твой выйти изъ могилы,—
Сожгу всю шляхту на огнѣ!
Они, они,—ты не страшись,—
Съ моею дочкой заперлись,
Ксендзы проклятые.—Я видѣлъ.
А челядь пьяная легла
Въ сараѣ на соломѣ спать,—
Драгуны съ ними. Мы съ Данилой
Сноповъ соломы наносили,
Со всѣхъ сторонъ ихъ запалили!
Не встанутъ, проклятые, вновь,
Чтобъ пить казачью нашу кровь!
Тамъ всѣ до одного сгорѣли.
И Фрося бѣдная моя
Сгорѣла съ проклятыми. Я
Пришелъ съ Данилой, посмотрѣли,
Вкопали крестъ и на коняхъ
Къ войскамъ мы вмѣстѣ полетѣли;
Сыновъ всѣхъ трехъ моихъ нашли
И въ добрый часъ мы полегли
Тутъ вмѣстѣ...

А какъ мы бились, умирали!
За что жъ мы головы складали
Въ могилы эти? Будешь жить,
О нашей славѣ ты узнаешь:
Не даромъ головы сложить

Пришлось за родину. А можетъ,
И про могилы, и про насъ
Съ слѣпыми старцами по селамъ
Въ напѣвѣ думы невеселомъ
Живетъ молва...

И. Бѣлоусовъ.

1850.
Оренбургъ.

Подражаніе Исаи глава XXXV.

Радуйся, нива не политая,
Радуйся, пашня не повитая
Цвѣтистымъ лакомъ. Распустись,
И криномъ яркимъ расцвѣти.
И зацвѣтешь, зазеленѣешь,
Какъ Иордановы луга,—
Его святыя берега.
Кармила блескъ, Ливана слава,
Что возсіяла не лукаво,
Тебя укроетъ дорогимъ
Золототканымъ, тонко шитымъ,
Добромъ да волею подбитымъ,
Святымъ оμόфоромъ своимъ.
И людямъ темнымъ міръ чудесный
Откроетъ нашъ Отецъ Небесный.

Усталыя рабскія руки
Тогда отдохнутъ,
И цѣпи съ колѣнъ истомленныхъ
Порвутся, спадутъ.
Ликуйте, кто вѣруетъ въ Бога,—
Не бойтесь чудесъ.
Свобода за ваше терпѣнье
Нисходитъ съ небесъ!
Господь васъ, убогихъ, жалѣя,
За зло покараетъ злодѣя!

Тогда, о, Господи, святая
 На землю правда снизойдетъ—
 И здѣсь часокъ передохнетъ;
 Слѣпцы прозрѣютъ и хромые,
 Какъ серны въ рощахъ, побѣгутъ.
 Уста отверзнутся нѣмыя,
 И рѣки словъ съ нихъ потекутъ.
 А на пустынь не политой,
 Водой живительной омытой,
 Воспрянетъ жизнь... И забулбятъ
 Шумливо рѣки. Вкругъ озеръ
 Привольно рощи зашумятъ,
 И огласить ихъ птишекъ хоръ!

Озера, степи оживутъ;
 Пути не верстовые
 Пройдутъ,—а вольно, широко
 Протянутся святыя.
 И не отыщешь тѣхъ путей
 Ужъ ни одинъ владыка.
 По тѣмъ путямъ пойдутъ рабы
 Безъ шума и безъ крика.
 Сойдутся дружною семьей,
 Веселой и довольной,
 И овладѣтъ гомонъ селъ
 Пустынею привольной.

25. III. 1859.
 Петербургъ.

А. К.

N. N.

Какъ ты, она цвѣткомъ когда-то
 На Иорданѣ процвѣла
 И воплотила, вознесла
 Святое слово надъ землею.
 Ахъ, если бы Днѣстровскій цвѣтъ мой...
 Нѣтъ! нѣтъ!—избави Богъ, распнуть,

Въ Сибирь въ оковахъ поведутъ,—
 И ты, цвѣтокъ мой беззащитный...
 Я умолчу...

Веселый рай

Пошли ей, Господи. Подай
 Ей долю счастья земного,
 А большего и не давай!
 Да не бери ее весною
 Въ свою обитель—свѣтлый рай:
 Здѣсь на землѣ Твоей красую
 Налюбоваться людямъ дай...

И. Бѣлоусовъ.

19. IV. 1859.
 Петербургъ.

— o —

* * *

Когда-то глупой головою
 Я думалъ: какъ съ бѣдою злою
 На Божьемъ свѣтѣ буду жить
 Людей и Господа хвалить?
 Въ грязи, колодою гнилою
 Валяться, стариться и гнить,—
 Безслѣдно гибнуть! И на тризнѣ
 Меня въ разграбленной отчизнѣ
 Помянетъ кто? Гдѣ скрыться мнѣ?
 Кругомъ Пилаты распинаютъ,
 Морозятъ, жарятъ, припекаютъ
 Людей на медленномъ огнѣ...

21. VII. 1859.
 Черкасы.

И. Бѣлоусовъ.

— o —

Подражаніе Эдуарду Совѣ.

Посажу на память милой
Грушу съ яблонею я,
А какъ вырастутъ,—подъ ними
Сядетъ милая моя;

Сядетъ съ дѣтками своими
Въ холодочкѣ отдыхать;
Я приду къ нимъ, сяду рядомъ,
Буду дѣткамъ груши рвать.

И скажу тогда тихонько
Я подругѣ дорогой:
«Я въ тотъ день садилъ деревья,
Какъ вѣнчались мы съ тобой».

Я скажу ей, что я счастливъ,
Что спокоенъ я душой.
А она отвѣтитъ: «Милый,
И я счастлива съ тобой».

И. Бьлоусовъ.

19. XI. 1859.
Петербургъ.

Подражаніе Іезекиілю.

Восплачь, пророче, Сыне Божій,
И о князьяхъ, и о вельможахъ,
Владыкахъ всѣхъ, ихъ вопрошая:
Зачѣмъ мать ваша—псица злая—
Со львами дружбу завела?
И васъ, щенятъ, лихихъ и злобныхъ,
На Божій свѣтъ произвела?
И множила васъ всѣхъ проклятыхъ!—
Потомъ изъ васъ, щенятъ зубатыхъ,
Львы выросли! И вы людей,
Незлюбныхъ, праведныхъ дѣтей,

Какъ коршунъ, слабыхъ куръ, дерете,
Клюете бѣшено и рвете!
А люди видятъ и молчатъ...
И, наконецъ, одинъ изъ львятъ
Попался имъ; его связали,
Въ оковы крѣпко заковали,
Въ Египетъ, въ каторгу сослали.
А мать спустила имъ тогда
Еще сердитѣе другого:
Не слышитъ плача онъ людского
И жретъ деревни, города.
Отъ рева вся земля дрожала,
Тряслась и въ страхъ трепетала...
И этотъ левъ былъ полоненъ
И сосланъ въ дальній Вавилонъ;
Въ тюрьму его тамъ засадили
И челюсти ему скрутили,
Чтобы не слышно было рева
Царя несытаго земного.

Идутъ,

Текутъ обычной чередою
Дни беззаконія и зла,
А львы, предавшися покою,
Судьбы не знаютъ брата-льва;
Растутъ какъ лозы, уповаютъ
На корень свой, уже гнилой
И слабосильный. Вѣтеръ съ поля
Дохнетъ широкою волной
И вихремъ грозно пронесется,—
Сомнетъ,—и ваше своеволье
Въ крови своей же захлебнется.
И вмѣсто львинаго рыканья
Услышатъ люди лишь стенанья
И горькій и безсильный плачь.
И долго будетъ стонъ носиться,
Потомъ онъ въ притчу обратится,
..... этотъ плачь...

И. Бьлоусовъ.

6. XII. 1859.
Петербургъ.

Осіи глава XIV.

Погибнешь, сгинешь ты, Украина,
Сотрется даже слѣдъ съ земли,
Тобой оставленный случайно...
Теперь лежащая въ пыли,
Ты, помнишь, высилась когда-то,
Горда, прекрасна и богата...
Невинный, бѣдный край родной!
За что гнѣвъ Божій надъ тобой
Спустился тучей? За Богдана,
Иль за Петра съ больной душой,
Иль за исполненныхъ обмана
Пановъ проклятыхъ? Божья кара
Тебя сожжетъ огнемъ удара,
И судъ свершится справедливый...
Вѣдь слишкомъ долго терпѣливый,
Смотрѣлъ Господь на твой позоръ.
Но гнѣвомъ вспыхнулъ Божій взоръ,
И Богъ сказалъ: «Испепелю
Всю красоту твоихъ полей
И смерть тяжелую пошлю
Землѣ грѣховной я твоей.
Слѣпая злоба сыновей,
Тобой же вскормленныхъ дѣтей,
Тебя убьетъ,—и всѣ, во злѣ
Тобой зачатые, творенья
Погибнуть, скроются во мглѣ,
Не дожидаясь рожденья.
И плачемъ бѣдныхъ матерей
Наполню ширь твоихъ степей,
Твои селенья и поля,—
Пусть видитъ нищая земля,
Что я все вижу, я все знаю». Воскресни жъ, встань скорѣй, родная
Украина мать!.. И отдохни!
Грѣхи лукавыхъ сыновей
Несла ты на груди своей,—
Тебя измучили они.
Но, отдохнувъ, сынамъ своимъ

Скажи, печальная, открой,
Что ихъ безчестье, ихъ покой,
Ихъ криводушье—огневымъ,
Кровавымъ, пламеннымъ мечомъ
Давно ужъ врѣзаны огнемъ
Въ сердца людей... Что ни одинъ
Отъ Божьей кары господинъ
Ихъ не спасетъ,—не дастъ коня,
Чтобъ можно было отъ огня
Грозы грядущей имъ уйти...
Святая месть найдетъ вездѣ,—
И днемъ и ночью въ темнотѣ,
И за оградой, и въ пути...
Не скрыться. Правда васъ найдетъ,
Цѣпями руки окуетъ
И на потѣху приведетъ
Въ селенья васъ. Тамъ безъ судей
И безъ наемныхъ палачей
Васъ разопнуть и разорвутъ
И вы погибнете во мракѣ,
И вашей кровію собаки
Собакъ напоятъ...

И словами
Ударъ въ сердца, чтобъ услышали...
Скажи: вы грязными руками
Создавъ кумиръ себѣ, солгали,—
Что онъ вашъ Богъ, что онъ—надежда,
Что свѣтъ и ласку, и одежду,
Даетъ онъ сиротѣ убогой...
Скажи, что имъ солгали боги,
То идолы—въ чужомъ чертогѣ;
Скажи, что правда оживетъ,
И налетитъ, и принесетъ —
Не отзвукъ старыхъ словъ растленныхъ,
А мощь призывовъ вдохновенныхъ,—
И вы погибнете во мракѣ,
И угнетенный людъ спасетъ
Отъ ласки властной..

Ада Чумаченко.

15. I. 1860.
Петербургъ.

* * *

Давно, давно, еще въ дни оны,
Помпидій Нума, римскій царь,
Тотъ тихій, кроткій государь,
Уставши пишучи законы,
Пошелъ немного погулять
И отдохнуть; а отдохнувши,
Додумать, какъ бы наковать
Оковъ на римлянъ всѣхъ.—И, взявши
Побѣгъ молоденькой лозы,
Онъ петлю изъ него связалъ.
Вдругъ ненарокомъ увидалъ,
Какъ въ тѣнь, въ прохладу подъ платаномъ,
Въ цвѣтахъ легла дѣвица спать.
Должны Дриады уступать
Передъ такою красотою,
Передъ богинею такою!
Сама Эгерія въ лѣсу,
Увидя дѣвичью красу,
Повѣсилась бы! Что же Нума?
Смотрѣлъ на дѣвицу, и думалъ:
Какую бъ цѣпь еще сковать?..

28. V. 1860.
Петербургъ.

И. Бьлоусовъ.

* * *

У Днѣпровскаго залива
Гнется тополь сиротливо
Между ивы да рябины,
Съ ярко-красною калиной.
Волны берегъ разрываютъ,
Тополь съ корня подмываютъ.
И стоитъ онъ, наклонился,
Какъ казакъ тотъ загрустился,
Что безъ доли, безъ подруги,

Безъ родныхъ во всей округѣ,
Безъ надеждъ въ душѣ хирѣетъ,—
Въ одиночествѣ сѣдѣть!

Молвить тополь: «Наклонюся,
Да въ Днѣпрѣ и утоплюся».
А казакъ все: «Погуляю,—
Можетъ, счастье повстрѣчаю».

А калина съ гибкой ивой,
Да рябиною красивой,—
Словно изъ лѣсу дѣвчата
Идутъ убраны богато,—
Расцвѣтились на волѣ,
Обручились съ ясной долей,
Думъ-заботъ себѣ не знаютъ,
Вьются, гнутся, распѣваютъ!..

Θ. Гавриловъ.

24. VI. 1860.
Петербургъ.

— о —

Лукеръ.

Моя любовь! Мой милый друже!
Намъ нѣту вѣры безъ креста!
Намъ нѣту вѣры безъ попа!..
Рабы безсильные, нѣмые
Заснули, словно свиньи въ лужѣ,
Въ своей неволѣ. Мой ты друже!
Моя любовь ты! Не клянись,
Ни передъ кѣмъ ты не молись
И не крестись!—Все брешутъ люди..
Лишь только Богъ насъ не обманетъ,
Карать и миловать не станетъ:
Мы не рабы его, мы дѣти,
Людьми живемъ на бѣломъ свѣтѣ.
Моя любовь ты!—усмѣхнись,
Дай руку вольную, мой друже,
И Богъ поможетъ намъ пройти

По этой смрадной, грязной лужѣ,
Поможетъ горе донести
И схоронить его глубоко
Въ веселой хатѣ бѣлобокой...

И. Бѣлоусовъ.

5. VIII. 1860.
Стрѣльна.

Л.

Я построю себѣ хатку,
Вкругъ садочекъ разсажу;
Въ зеленомъ своемъ садочкѣ
Посижу и похожу.
И одинъ въ тѣни прохладной
Я въ садочкѣ лягу спать,
Дѣтокъ я во снѣ увижу.
И веселую ихъ мать.
Сонъ давнишній мнѣ приснится...
Нѣтъ! Боюсь, сонъ будетъ злой:
Ты приснишься и разгонишь
То, что создано мечтой.
Ты украдкой тихо, тихо
Въ рай-садочекъ мой войдешь,
Натворишь въ немъ много горя
И огнемъ его сожжешь.

И. Бѣлоусовъ.

27. IX. 1860.
Петербургъ.

* * *

Когда бы съ кѣмъ... ну, съѣсть бы хлѣба,
Промолвить слово довелось,—

Оно, глядишь, по волѣ неба,
Хоть какъ-нибудь, а все бѣ жилось.
Но горе! не съ кѣмъ! Свѣтъ широкъ,
И на землѣ людей не мало,—
Да я-то въ свѣтѣ одинокъ!
И доведется мнѣ, пожалуй,
Въ кривой избѣ, заолодалой,
Иль подъ заборомъ гдѣ-нибудь
Навѣки ноги протянуть.
Иль... Нѣтъ, мнѣ надобно жениться
Хотя бѣ на чортовой сестрѣ!
А то придешь къ такой порѣ,
Что въ одиночествѣ случится
И одурѣть...

А вѣдь пшеница
На добромъ сѣялася полѣ,
И я, въ мечтахъ о свѣтлой долѣ,
Съ любовью выстрадалъ свой трудъ.
А люди, такъ себѣ, пожнутъ
И только скажутъ безучастно:
—«Погибъ онъ гдѣ-нибудь, несчастный,
Въ чужой, далекой сторонѣ»...
О, горе, горе мнѣ!

Ө. Гавриловъ.

4. XI. 1860.
Петербургъ.

* * *

Иду однажды я въ ночи
По-надъ Невой и, идучи,
Веду бесѣду самъ съ собою:
«О, если бѣ волею судьбы
Не никли въ трепетѣ рабы,
То не стояло бѣ надъ Невой
Вотъ этихъ каменныхъ палатъ.
Была бѣ сестра и былъ бы братъ...

Теперь же золь и горя много,
Ни Бога нѣтъ, ни полубога,
И много лишь псарей, псарятъ,
А мы забавой имъ: мы скачемъ
Съ борзыми, холимъ ихъ да плачемъ».

Вотъ такъ-то поздною порою
Въ раздумьи брелъ я надъ Невою
И, полный горестной тоски,
Не вижу, что изъ-за рѣки,
Какъ бы изъ ямы, надъ волнами
Моргаетъ кошка мнѣ глазами...
Не очи кошки то блестятъ,—
То фонари, дрожа лучами,
У Петропавловки горятъ...
И трижды плюнувъ, я смутился,
Крестомъ невольно осѣнился—
И прочь пошелъ средь тьмы угрюмой
Все съ той же, что и раньше, думой.

П. А.

13. XI. 1860.
Петербургъ.

— о —

* * *

Струится изъ-подъ явора
Вода. Внизу—долина.
Краснѣя, спитъ-красуется
Тамъ пышная калина.
Стоитъ она, красуется...
Лѣса вдали синѣютъ.
И вербы спятъ надъ рѣчкою,
И лозы зеленѣютъ.

Течетъ вода то рошею,
То лугомъ, подъ горою.
Въ водѣ утята плещутся
Веселою семьею.

И утка вмѣстѣ съ селезнемъ,
Какъ мать плыветъ за ними
И ласково бесѣдуетъ
Съ дѣтьми она своими.

Влилася въ прудъ у города
Рѣка—и онѣмѣла.
Пришла брать воду дѣвушка—
И надъ прудомъ запѣла.
И мать съ отцомъ заслушалась
И думаютъ съ тоскою:
Кто намъ въ зятя достанется,
А дочь—кому женою?

П. Тулубъ.

7. XI. 1860.
Петербургъ.

— о —

* * *

Сошлись, женились, подружились,
Вишневый садикъ развели
У хаты. Какъ князья, гордились.
Безпечно дѣти веселились
И незамѣтно подросли...

Солдаты дочерей украли...
Въ солдаты сыновей забрали...
И мы съ тобой... и мы разстались!
Какъ будто никогда не знались,
Не жили вмѣстѣ, не вѣнчались...

П. Тулубъ.

5. XII. 1860.
Петербургъ.

— о —

Примѣчанія *).

1. На вѣчную память Котляревскому.

Написано по поводу смерти Ивана Петровича Котляревскаго, извѣстнаго украинскаго писателя, умершаго въ 1838 г.

2. Разрытая могила.

Исправлено по автографу, найденному въ архивахъ Департамента Полиціи въ 1906 г.; до 1907 г. не появлялось въ русскихъ изданіяхъ.

3. Сова.

Найдено тамъ же среди бумагъ, взятыхъ у Шевченка при арестѣ въ 1847 г., до 1907 г. не появлялось въ печати.

4. Дѣвичьи ночи.

То же, что и стихъ „Сова“.

5. Чигиринъ.

Чигиринъ, — уѣздный гор. Кіевской губ., сдѣланный Богданомъ Хмельницкимъ резиденціей гетмановъ. Въ 1686 г. Чигиринъ значился совершенно разореннымъ и пустымъ городомъ.

6. Н. В. Гоголю.

Переводъ этого стихотворенія въ сокращенномъ видѣ былъ помѣщенъ въ „Кобзарѣ“, издан. „Знаніе“. Въ автографѣ, найденномъ въ Департаментѣ Полиціи, имѣется приписка рукою Шевченка карандашомъ: „Н. Гоголю“.

*) Примѣчанія къ настоящему изданію «Кобзаря» въ переводѣ русскихъ писателей большей частью взяты изъ слѣдующихъ источниковъ: «Кобзарь» Т. Г. Шевченко, подъ редакціей В. Доманицкаго, издан. въ 1907 и 1908 гг. «Стихотворенія» Т. Г. Шевченко, подъ редакц. Ю. Романчука, издан. въ Львовѣ въ 1902 г. «Жизнь и произведенія Тараса Шевченко» А. Я. Ко-нисскаго, издан. въ Одессѣ въ 1898 г. и др.

7. Еретикъ или Иванъ Гусъ.

Эта поэма напечатана впервые въ цѣломъ видѣ въ „Кобзарѣ“, изданномъ въ 1907 г. подъ ред. В. Доманицкаго, по автографу, найденному въ архивахъ Департамента Полиціи. До 1907 г. были извѣстны только „Посланіе“ и 2 первыхъ главы. Въ примѣчаніяхъ къ этимъ отрывкамъ, напечатаннымъ въ „Кобзарѣ“, изданномъ въ Петербургѣ въ 1884 г., значится слѣдующее: „Отрывокъ изъ поэмы „Иванъ Гусъ“ былъ впервые напечатанъ въ статьѣ редактора „Домашней Бесѣды“—„И мои воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ“ („Дом. Бесѣда“ 1861 г., вып. 33); изъ этой статьи видно, что поэма „Иванъ Гусъ“ была Т. Г. Шевченкомъ совсѣмъ окончена и читана автору статьи еще 26 мая 1846 г. Эти свѣдѣнія современника Шевченка, а особенно то, что рассказывалъ намъ Д. Г. Лебединцевъ о нѣкоторыхъ рукописяхъ Шевченка, данныхъ имъ для переписки чиновнику П—чу незадолго до своего ареста въ Кіевѣ (1847 г.), окончательно отрицаютъ предположеніе, что Шевченко написалъ только „Посланіе Шафарика“ при поэмѣ „Иванъ Гусъ, или Еретикъ“. Д. Г. Лебединцевъ рассказывалъ намъ, что авторъ поэмы, вернувшись въ Петербургъ изъ ссылки, увѣрялъ его, что поэма была окончательно обработана и закончена, и онъ вспоминаетъ, что въ Кіевѣ въ 1847 г. онъ оставилъ ее кому-то цѣликомъ. Шевченко просилъ Лебединцева разузнать о ней въ Кіевѣ, и онъ дознался, что Шевченко далъ эту поэму съ нѣкоторыми другими своими произведениями для переписки чиновнику Кіевской консисторіи П—чу; этотъ чиновникъ, послѣ того, какъ Шевченко былъ арестованъ, съ перепугу сжегъ всѣ рукописи, полученные имъ отъ Шевченка. Эту исторію съ рукописями г. Лебединцевъ пересказалъ Т. Г—чу, который сразу вспомнилъ, кому и для чего давалъ свои рукописи, среди которыхъ была и оконченная поэма „Иванъ Гусъ“. Значитъ, то убѣжденіе, что поэма была только задумана, опровергается еще и тѣмъ, что въ бумагахъ покойнаго П. І. Шафарика у его сына нашелся отрывокъ поэмы подъ названіемъ „Папская булла“, но цѣлой поэмы въ бумагахъ Шафарика не было. Такимъ образомъ поэма „Иванъ Гусъ, или Еретикъ“ не дошла до насъ цѣликомъ, и мы печатаемъ изъ нея отрывки, которые были уже напечатаны въ журналѣ „Правда“ за 1873 годъ“.

Послѣ открытія Доманицкаго ясно, что поэма не была уничтожена, а переписчикомъ была передана полиціи, попала въ архивъ департамента, гдѣ и была найдена въ 1907 году.

8. Субботовъ.

Послѣ смерти Шевченка, стихотвор. это носило названіе „Могилы Богданова“; до 1907 г. не появлялось въ русскихъ изданіяхъ.

9. Кавказъ.

Іаковъ де-Бальмень, которому посвящено это стихотвореніе, украинецъ, потомокъ французской фамиліи, пріятель Шевченка,

погибъ въ бою съ черкесами на Кавказѣ. До 1907 г. „Кавказъ“ не появлялся въ русскихъ изданіяхъ. Въ автографѣ, найденномъ въ Департаментѣ Полиціи, имѣется эпиграфъ: „Кто дастъ главѣ моей воду, и очесомъ моимъ источникъ слезъ, и плачуся день и ночь о побѣжденныхъ. (Іереміи, гл. 9, ст. 1.)“

10. Холодный Яръ.

Монастырь Мотринскій стоитъ среди лѣсовъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ., недалеко отъ мѣстечка „Медвѣдка“. Въ этихъ лѣсахъ Желѣзнякъ организовалъ возстаніе гайдамаковъ въ 1768 г.

До 1907 г. это стихотвореніе не появлялось въ русскихъ изданіяхъ.

11. Маленькой Марьянѣ.

До 1906 г. это стихотвореніе не было извѣстно.

12. Три года.

Новое стихотвореніе, найденное въ Департаментѣ Полиціи. Этимъ стихотвореніемъ кончался циклъ стихотвореній, написанныхъ Шевченкомъ за три года (1843—1845 г.), которые Шевченко переписалъ въ одну тетрадь и далъ ей заголовокъ: „Три літа“ (Три года).

13. Завѣщаніе.

Стихотвореніе это впервые полностью появилось въ „Кобзарѣ“ издан. въ Петербургѣ въ 1907 г. До этого времени печатались только первые 8 строкъ. Въ „Кобзарѣ“ издан. „Знаніе“ переведены 12 строкъ,—первые 8 и послѣдніе 4 строки.

14. Не завидуй богатому.

Первая дата въ автографѣ 4.X.1845 г., а не 1846 г.

15. Лілія.

Стихотвореніе это переводилось нѣсколько разъ; настоящій переводъ является въ печати впервые.

16. Вѣдьма.

Въ первой редакціи поэма называлась „Осика“ (осина). За „Осикою“ въ автографѣ рукою Шевченка написано предисловіе ко 2-му изданію „Кобзаря“, которое готовилось къ печати въ 1847 г. Въ этомъ предисловіи очень интересенъ и характеренъ взглядъ Шевченка на украинскую литературу и отношеніе къ ней великороссовъ. Припомнимъ, что въ то время Бѣлинскій нерасположенно отзывался о „Гайдамакахъ“ и вообще выражалъ сомнѣніе въ правѣ малорусской литературы на самостоятельное существованіе. Здѣсь Шевченко даетъ свой отвѣтъ на эти и другіе журнальные толки по поводу національности въ литературѣ.

Предисловіе начинается эпиграфомъ изъ Грибоѣдова:

„Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ—
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ!“

„Къ вамъ рѣчь моя, возлюбленные братья-украинцы! Великая печаль охватила душу. Слышу и читаю: Поляки печатаютъ книги, Чехи, Сербь, Болгары, Черногорцы, Москальи—всѣ печатаютъ, а мы ни гу-гу. Отчего вы молчите, братья? Можетъ быть, испугались нашествія иноплемennыхъ журналистовъ? Не бойтесь: собака лаесть, вѣтеръ носить. Они кричатъ—отчего мы не пишемъ по-московски. А сами москальи ничего не пишутъ своего, а только переводятъ, да и то Богъ знаетъ какъ: напишаютъ разныхъ *индивидуализмовъ*, такъ что не выговоришь; кричатъ о братствѣ, а грызутся между собой, какъ собаки; кричатъ объ единой славянской литературѣ, а не хотятъ и заглянуть, что дѣлается у славянъ. Разобрали ли они хоть одну польскую, чешскую, сербскую или хотя бы нашу книгу? Вѣдь и мы, слава Богу, не нѣмцы. Не разобрали. Отчего? Оттого, что не понимаютъ. Если наша книжка попадется имъ въ руки, они восхищаются въ ней тѣмъ, что плохо, а наши „патріоты“—хуторяне повторяютъ за ними: „Преочаровательно!“ А „чары“ то эти вотъ какія: жиды, шинки, свиньи и пьяныя бабы. Можетъ быть, по ихъ *уточненной* натурѣ это и въ самомъ дѣлѣ хорошо, а на нашъ мужицкій взглядъ—очень скверно. Правду сказать, мы сами отчасти въ этомъ виноваты, потому что не видимъ нашъ народъ такимъ, какимъ его Богъ создалъ. Въ шинкѣ и нашъ, и москаль, и нѣмецъ—всѣ похожи на свиней, а вотъ придти къ мужику въ хату или его къ себѣ позвать по-братски—невозможно: мужикъ испугается, а можетъ быть страшно, что онъ разглядитъ дурня въ господскомъ платѣ. Прочитали по складамъ „Энеиду“, да потерялись около шинка, и думаютъ: вотъ когда мы узнали свой народъ. Нѣтъ, братики! Почитайте думы, да пѣсни, послушайте, какъ народъ поетъ, какія ведетъ рѣчи въ своемъ кругу, гдѣ не надо шапокъ ломать, или какъ на товарищескомъ пирѣ вспоминаютъ старину да плачутъ, словно въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ въ турецкой неволѣ или въ польскомъ рабствѣ цѣпями гремятъ,—тогда и скажете, что „Энеида“ хоть не плохая вещь, а все-таки смѣхотворщина на московскій ладъ.—Вотъ такъ-то, братья мои возлюбленные! Чтобы узнать людей, надо съ ними пожить, а чтобы ихъ изображать, надо самому стать человѣкомъ, а не бумагомаракой. Тогда пишите и печатайте, и трудъ вашъ будетъ честнымъ трудомъ. А на москалей не обращайтесь вниманія; пусть себѣ они пишутъ по-своему, а мы по-своему; у нихъ народъ и слово, и у насъ свой народъ и свое слово, а чье лучше—пусть судятъ люди. Они указываютъ на Гоголя, что онъ пишетъ не на своемъ языкѣ, а по-московски, да на Вальтеръ Скотта, который тоже писалъ не родной рѣчью. Гоголь выросъ въ Нѣжинѣ, а не въ Малороссіи и

своего языка не знаетъ, а Вальтеръ Скоттъ въ Единбургѣ, а не въ Шотландіи; можетъ быть, были еще какія-нибудь причины, по которымъ они сами отъ себя отказались,—не знаю. А Борнъ все-таки былъ поэтъ народный и великій; и нашъ Скворода былъ бы такимъ, если бы его не сбила съ толку латынь, а потомъ московщина. Покойный Основьяненко отлично зналъ народъ, но не былъ чутокъ къ его языку, можетъ быть, не слышавъ его съ колыбели отъ матери; а Гулакъ-Артемовскій и слышалъ, но забылъ, постригшись въ „господа“. Горе намъ!.. Отчего же В. Караджичъ, Шафарикъ и др. не постриглись въ нѣмцы (а имъ бы выгодно было!), а остались славянами, вѣрными сынами своей родины и стяжали великую славу! Горе намъ! Но, братья, не печальтесь, а молитесь Богу и разумно трудитесь во имя матери нашей, безталанной Украйны. Аминь“.

Седневъ. 1847 г. 8 марта.

17. Не грѣть солнце на чужбинѣ.

Стихотвореніе написано въ 1847 г., а не въ 1860 г., какъ датируется прежде.

18. Сонъ.

Выбла-могила—очень высокій курганъ около Переяславля.

Трахтемировъ—село Каневского уѣзда, какъ разъ противъ Переяславля; тутъ былъ славный казацкій монастырь „Монастырище“, уничтоженный въ 1665 г.; послѣ того казацкимъ монастыремъ сталъ „Межигорскій Спасъ“.

„Соборъ Мазепинъ“—подъ этимъ названіемъ Шевченко разумѣетъ соборъ св. Николая въ Кіевѣ, нынѣ военный соборъ.

До 1907 г. это стихотвореніе печаталось въ русскихъ изданіяхъ съ большими пропусками.

19. Иржавецъ.

Иржавецъ—село Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губ.

Выраженіе—„Не торчали бѣ пики въ крышѣ“—можно объяснить такъ: въ мирное время казаки имѣли обыкновеніе сохранять свои пики воткнутыми въ застрѣхи крышъ. „Прилуцкій полковникъ поганый“—Иванъ Носъ, предавшій измѣннически Батуринъ—столицу Мазепы. „Въ Глуховѣ звонили“,—когда избирали новаго гетмана, звонили во всѣ колокола. Г. Глуховъ въ то время былъ столицей лѣвобочной Украйны.

Это стихотвореніе переведено съ послѣдней редакціи, исправленной по автографу поэта. До 1907 г. печаталось съ пропусками.

20. А. О. Казачковскому.

А. О. Казачковскій—врачъ Переяславской духовной семинаріи,—старый пріятель Шевченка. Къ нему Т. Г.—чѣ писалъ изъ ссылки: „Живу я, можно сказать, жизнью публичною, сирѣчь въ казармахъ. Муштруюсь ежедневно, хожу на караулъ и т. д.

Одно слово солдатъ, да еще солдатъ какой,— просто пугало воронье“.

21. **Начну-ка вновь стихи писать.**

Стихотвореніе относится къ первому времени ссылки поэта въ Орскую крѣпость.

22. **Никому не дай-то Боже.**

Написано въ то же время и переведено съ редакціи, исправленной по позднѣйшимъ автографамъ.

23. **Ну, что, подумаешь, слова.**

Островна,—село Оренбургской губ., заселенное переселившимися туда украинцами.

24. **Какъ за подушнымъ обступили.**

Самая тема стихотворенія показываетъ, что оно написано во время ссылки.

25. **П. С.**

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ дата этого стихотворенія 1848 г., а не 1849 г., какъ датировалось до сихъ поръ. Надо предполагать, что посвященіе относится къ Петру Скоропадскому, помѣщику Полтавской губ., потомку гетмана Скоропадскаго, принявшаго гетманство послѣ Мазепы.

26. **Средь темныхъ скалъ, въ ночи.**

Дата 1848 г., а не 1849 г. Это стихотвореніе переведено съ послѣдней редакціи, значительно исправленной по автографамъ.

27. **Я выросъ на чужбинѣ дальней.**

28. **Ужъ какъ я ли муженька.**

29. **Пойду, пойду на улицу.**

30. **Туманъ, туманъ по долинѣ.**

31. **Во лѣсочекъ я ходила.**

32. **Если бъ бусы мать дала.**

33. **Не хочу искать жены я.**

Всѣ эти стихотворенія написаны въ 1848 г., а не въ 1849 г. и исправлены по автографамъ 1858 г.

34. **Тучу бѣлую закрыла.**

Гетманъ Поповичъ, или Попенко—Иванъ Самойловичъ (1672—1687 г.). Ромоданъ—кн. Григорій Ромодановскій, начальникъ Московскаго войска. Святой Ростовскій—Дмитрій Туптало, митрополитъ Ростовскій. Ярополець—село Волоколамскаго уѣзда близъ Москвы. До сихъ поръ среди села, на площади стоитъ каменная часовня, гдѣ похороненъ Дорошенко.

35. **Титаривна (= дочь „титаря“, т.-е. ктитора—церковнаго старосты). „Борцы ходила“.—На Украинѣ въ XVIII и въ началѣ XIX в.**

былъ такой обычай: на святкахъ, на масленицѣ или просто на свадьбахъ парни, нарядившись въ какихъ-нибудь звѣрей или татаръ, ходили изъ своего села гулять къ сосѣдямъ; придя въ село, начинали съ того, что вызывали мѣстныхъ парней на борьбу; эти парни и назывались „борцами“.

Дата этого стихотворенія 1848 г., а не 1850 г., какъ до сего времени датировалось.

36. **Мать покрывка.**

„Покрывками“ на Украинѣ называютъ дѣвушекъ, имѣвшихъ дѣтей. До замужества дѣвушки ходятъ съ открытыми головами; замужняя же женщина не можетъ ходить съ открытой головой и носить головной уборъ—„очипокъ“. Заголовокъ стихотворенія въ автографѣ написанъ не рукою Шевченка.

37. **Считаю дни, считаю ночи.**

Это стихотвореніе во всѣхъ изданіяхъ „Кобзаря“ до 1906 г. появилось въ двухъ редакціяхъ. Первая часть до словъ: „И четвертый годъ проходитъ“, взята съ позднѣйшей редакціи (1858 г.), а дальше все—изъ болѣе ранней (1847 г.) изъ „захаявной“ книжечки (халыва—голенище сапога), въ которую Шевченко вписывалъ тайкомъ стихи, когда въ ссылкѣ ему было запрещено писать и имѣть при себѣ письменныя принадлежности. Такихъ „захаявныхъ“ книжечекъ сохранилось до сего времени 4; онѣ хранятся у В. П. Науменко, редактора „Кіевской Старины“.

38. **Самъ не знаю, но и вправду...**

Переведено съ послѣдней редакціи.

39. **Когда бы вы знали, господа.**

Переведено по редакціи, исправленной по „захаявной“ книжечкѣ.

40. **Бываетъ, въ неволѣ порой вспоминаю.**

Какъ выяснилось изъ недавно найденныхъ автографовъ Шевченка, стихотвореніе это до сихъ поръ печаталось неполнымъ: конецъ его со словъ: „Не знаю, какъ теперь живетъ“, во всѣхъ прежнихъ изданіяхъ „Кобзаря“ былъ выдѣленъ въ отдѣльное стихотвореніе и датировался 1848 г.

41. **Подражаніе Ісаи.**

Стихотвореніе прежде печаталось безъ заглавія; заглавіе найдено недавно.

42. **Н. Н.**

43. **Когда-то глупой головою.**

Оба эти стих. переведены съ послѣдней редакціи.

44. **Подражаніе Эдуарду Совѣ.**

Въ изданіяхъ „Кобзаря“ до 1907 г. стих. это носило названіе „Антонію Совѣ“. Антоній Сова — псевдонимъ польскаго поэта

Эдуарда Желиховского, который был сосланъ вмѣстѣ съ Шевченкомъ въ Орскую крѣпость. Шевченко взялъ имя поэта настоящее, а фамилію псевдонимную. Стих. это Шевченко написалъ тогда, когда задумалъ жениться. Въ письмѣ къ брату своему Варооломею онъ писалъ: „Осенью, когда окончишь полевые работы и окопаешь нашу будущую усадьбу, выбери на ней лучшее мѣсто и посади яблоню и грушу“.

45. **Подражаніе Іезекиілю.**

46. **Осіи, гл. XIV.**

Переведены съ послѣдней редакціи.

47. **Давно, давно — еще въ дни оны.**

Въ этомъ стих. исправлена дата, — въ прежнихъ изданіяхъ „Кобзаря“ датировалось оно невѣрно.

48. **У Днѣпровскаго залива.**

То же, что и предыдущее стих.

49. **Лукерья.**

Лукерья Полусмакова—молодая дѣвушка, украинка, жила въ Петербургѣ въ прислугахъ у знакомыхъ Шевченка; къ ней сватался Т. Г.—чѣ въ 1860 г.

„Намъ нѣту вѣры безъ креста,
Намъ нѣту вѣры безъ попа“...

Этими словами Шевченко намекаетъ на то обстоятельство, что, когда Лукерья была объявлена его невѣстою и продолжала еще служить въ прислугахъ, онъ часто отпрашивалъ ее у господъ и ѣздилъ съ нею въ театры и къ знакомымъ. Т. Г.—чу дали понять, что неудобно ѣздить съ молодою дѣвушкою вдвоемъ, пока еще не повѣнчаны.

50. **Л.**

Написано, когда Шевченко разошелся съ своей невѣстой. Буква Л. навѣрное обозначаетъ имя невѣсты Шевченка — Лукерьи.

51. **Когда бѣ съ кѣмъ.**

Переведено съ оригинала, исправленнаго по автографу.

52. **Иду однажды я въ ночи.**

Въ этомъ стих. описаны петербургскія впечатлѣнія, которыя Шевченко переживалъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни.

53. **Струится изъ-подъ явора.**

Переведено съ редакціи, исправленной по автографу.

54. **Сошлись, женились, подружились.**

Предпослѣднее стих., написанное Шевченкомъ за два съ небольшимъ мѣсяца до смерти.

На стр. 133, въ примѣч. къ стихотв. „Сонъ“

вмѣсто словъ:

„Соборъ св. Николая въ Кіевѣ“ и т. д.

слѣдуетъ читать:

„Вознесенскій Соборъ въ Переяславлѣ“.

